

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 86–125
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 1 (2022): 86–125

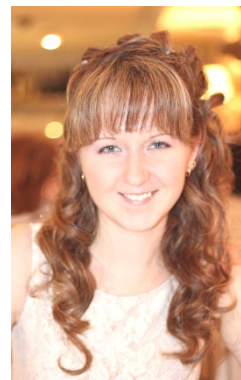
Научная статья

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-2>

Кадровое обеспечение провинциальных тюрем в первой половине XIX в. (на материалах Европейского Севера России)

Олеся Анатольевна Плех,
Институт российской истории РАН,
Москва, Россия,
plekh@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3750-6270>

Olesya A. Plekh,
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
plekh@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3750-6270>

Аннотация. Статья посвящена проблемам кадрового обеспечения провинциальных пенитенциарных учреждений в первой половине XIX в. В основу исследования легли материалы законодательства, устанавливавшие порядок определения к должностям, и данные о состоянии пенитенциарных учреждений Европейского Севера России. Полученные результаты позволили прийти к выводу, что проблемы кадрового обеспечения решались по мере развития пенитенциарной системы и напрямую зависели от состояния мест заключения. В первой четверти XIX в., когда формирование сети карательно-исправительных учреждений представляло собой затратный и продолжительный процесс строительства зданий для них, тюремные смотрители появлялись на местах лишь в порядке исключения, арестанты формально состояли «на попечении» городничих, а реально находились лишь под присмотром караульных из внутренней стражи. В законодательстве второй четверти XIX в. впервые было уделено внимание правовому положению тюремных смотрителей и надзирателей, их полномочиям, обязанностям и условиям службы, постепенно разрабатывались требования к кандидатам на эти должности. Предпочтение отдавалось отставным военным: классным чиновникам – на вакансии смотрителей, нижним чинам из корпуса внутренней стражи, вышедшим в отставку «за ранами», – надзирателей. И хотя с конца 1830-х гг. должности смотрителей замещались на регулярной основе, далеко не в каждом тюремном замке имелся полный комплект служащих. На протяжении всего изучаемого периода тюремный персонал не входил в штатные расписания местных учреждений и регулировался частным порядком, по инициативе, исходившей снизу. В

© Плех О.А., 2022

© Plekh O., 2022

данных условиях губернская администрация в своих донесениях отталкивалась от потребностей и текущих задач, не стремясь раздуть штат тюрем и тем самым увеличивать налоговую нагрузку на население, поскольку издержки на содержание пенитенциарных учреждений, в том числе жалование служащим, относились на счет городских обществ, а в случае недостатка средств – на общие земские повинности. В 1840-е гг. вопросы кадрового обеспечения находились в тени более значительной проблемы: во многих городах старые деревянные остроги надлежало заменить новыми каменными зданиями, соответствующими «образцовым» проектам и требованиям содержания арестантов.

Ключевые слова: тюремный смотритель, государственная служба, пенитенциарная система, тюрьма, острог, полиция, провинция, Европейский Север России, Российская империя, первая половина XIX в.

Для цитирования: Плех О.А. Кадровое обеспечение провинциальных тюрем в первой половине XIX в. (на материалах Европейского Севера России) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 86–125. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-2>

Staffing provincial prisons in the first half of the 19th century (based on the materials of Northern European Russia)

Abstract. The article is devoted to the problems of staffing provincial penitentiary institutions in the first half of the 19th century. The study was based on the legislation that established the procedure for assigning to the positions and the data on the condition of penitentiary institutions in Northern European Russia. The results obtained led to the conclusion that the staffing problems were solved as the penitentiary system developed and were directly dependent on the condition of the places of detention. In the first quarter of the 19th century, when the formation of the network of penal and correctional institutions was a costly and lengthy process involving the construction of buildings for them, prison superintendents were appointed only as an exception; formally, the prisoners were under the custody of the mayors, but in reality they were under the supervision of the sentries from the internal guard. The legislation of the second quarter of the 19th century paid attention to the legal status of superintendents and warders, their powers, duties, and conditions of service for the first time, gradually elaborating the requirements for candidates for these positions. Preference was given to the retired military men: to the officials holding a rank, for the vacancies of superintendents; to lower ranks from the internal guard who had retired because of wounds, for the vacancies of warders. Although from the end of the 1830s the posts of superintendents were filled on a regular basis, not every prison castle had a full complement of employees. Throughout the period under study, prison employees were not included in the staffing tables of local institutions and were regulated individually on the initiative from below. In these conditions, in its reports, the governorate administration proceeded from the needs and current tasks, without seeking to inflate the prison staff and thereby increase the tax burden on the population, since the costs of maintaining penitentiary institutions, including salaries for employees, were covered by town communities and in the event of lack of funds, by general zemstvo dues. In the 1840s, staffing issues were overshadowed by a more significant problem: in many towns, the old wooden prisons had to be replaced with new stone buildings that would correspond to the “model” project designs and requirements for the maintenance of prisoners.

Keywords: prison superintendent, public service, penitentiary system, prison, police, governorate, Northern European Russia, Russian Empire, first half of the 19th century

For citation: Plekh, O.A. “Staffing provincial prisons in the first half of the 19th century (based on the materials of Northern European Russia).” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 1 (2022): 86–125, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-2>

Введение

Проблемы становления и развития пенитенциарной системы в Российской империи привлекают особое внимание современных исследователей. К этим вопросам ученые обращались и в XIX, и в XX в., однако дореволюционные публикации, главным образом, содержали теоретические разработки, направленные на совершенствование законодательного регулирования уголовно-исполнительной системы¹, а в работах советского периода на первый план выходили политические аспекты карательной политики государства². Пожалуй, на общем фоне выделяется исследование В.Н. Никитина, в котором была предпринята попытка отразить реальное положение тюрем, но источниковая база позволила охарактеризовать лишь состояние столичных мест заключения; кроме того, основное внимание автор сосредоточил на проектах преобразования пенитенциарной системы³. Ценные сведения содержит фундаментальная монография М.Н. Гернета, основывающаяся на значительном массиве архивных материалов, впервые введенных в научный оборот⁴. В современной науке изучением пенитенциарной системы в Российской империи занимаются правоведы и историки, благодаря чему удалось внести весомый вклад в разработку этой проблематики⁵. Ученые все больше обращаются к

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Часть общая. Лекции: в 2 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1902; Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения, 1889.

² Дворянов В.Н. В сибирской дальней стороне... (Очерки истории политической каторги и ссылки, 60-е гг. XVIII в. – 1917 г.). Минск: Наука и техника, 1985; Кодан С.В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в. Иркутск: ИрГУ, 1980; Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. Москва: МГУ, 1980.

³ Никитин В.Н. Тюрма и ссылка: 1560–1880 г. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы, до наших дней. Санкт-Петербург: Типография Г. Шпарварта, 1880.

⁴ Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 1–3. Москва: Госюриздат, 1960–1961.

⁵ Алексеев В.И. Пенитенциарная политика России во второй половине XIX – начале XX века. Тюмень: ТюмГУ, 2008; Детков М.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. Москва: Интерправо, 1994; Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / перевод с английского П.И. Прудовского; научный редактор А.Б. Каменский. Москва: Новое литературное обозрение, 2016; Марголис А.Д. Тюрма и ссылка в императорской России: исследования и археологические находки. Москва:

обширным комплексам документальных материалов, сохранившимся в региональных архивах, которые позволяют отразить функционирование провинциальных тюрем. Между тем научные работы, базирующиеся на конкретно-исторической документальной основе, главным образом, представлены исследованиями, охватывающими период второй половины XIX – начала XX в.⁶ В гораздо меньшей степени ретроспективному анализу

Лантерна: Вита, 1995; *Мионов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2015; *Павлушков А.Р.* Карательно-исправительная система русской православной церкви в имперский период. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014; *Печников А.П.* Тюремные учреждения российского государства (1649 – октябрь 1917 гг.): Историческая хроника. Москва: Щит-М, 2004; *Пирогов П.П.* Кадровое обеспечение тюремного ведомства Российской империи в XIX – начале XX вв. Мурманск: МГИ, 2004; *Упоров И.В.* Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004; *Ackeret M.* In der Welt der Katonga: Die Zwangsarbeitsstrafe für politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin). München: Osteuropa-Institut München, 2007; *Badcock S.* A prison without walls: Eastern Siberian exile in the last years of tsarism. Oxford: Oxford University Press, 2016; *Behrisch L.* Social discipline in early modern Russia, 17th–19th centuries // Institutionen, Instrumente und Akteure sozialer Kontrolle und Disziplinierung im frühneuzeitlichen Europa = Institutions, instruments and agents of social control and discipline in early modern Europe / edited by H. Schilling, L. Behrisch. Frankfurt-am-Main: Vittorio Klostermann, 1999. S. 325–357; *Beer D.* The House of the Dead: Siberian exile under the tsars. London: Penguin Books, 2017; Crime history and History of crime: studies in the historiography of crime and criminal justice in modern history / edited by C. Emsley, L. Knaffa. Westport; London: Greenwood Press, 1996; *Gentes A.* Exile to Siberia, 1590–1822: corporeal commodification and administrative systematization in Russia. New York: Palgrave Mcmillan, 2008; *McReynolds L.* Murder most Russian: true crime and punishment in late imperial Russia. Ithaca; London: Cornell University Press, 2013; *Neuberger J.* Hooliganism: crime, culture and power in St Petersburg, 1900–1914. Stanford: Stanford University Press, 1993; *Wood A.* Russian «Wild East»: exile, vagrancy, crime in Siberia, XIX century // The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution / edited by A. Wood. London: Routledge, 1991. P. 117–137; и др.

⁶ *Батчаева М.К.* Деятельность российского «Общества попечительного о тюрьмах» во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах Ставрополья и Кубани: дис. ... канд. ист. наук. Ставропольский государственный университет, 2009; *Захаров М.В.* Российская пенитенциарная система в годы «Великих реформ» (1861–1881 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Московский педагогический государственный университет, 2007; *Коломенцев Д.В.* Тюремная система России в 50-80-е гг. XIX века и ее реформирование: дис. ... канд. ист. наук. Воронежский государственный педагогический университет, 2004; *Коняев А.Е.* Тюремные учреждения Европейской России в 1879–1917 гг.: социально-экономический аспект деятельности: по материалам Ярославской и Владимирской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Ивановский государственный университет, 2010; *Локтионова Е.А.* Становление и развитие пенитенциарной системы в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Курский государственный университет, 2004; *Петренко Н.И.* Организационно-правовые основы режима исполнения наказания за

повергаются особенности становления и развития пенитенциарной системы на местах в XVIII – первой половине XIX в., что, по всей видимости, связано с фрагментарностью источниковой базы⁷. По сей день практически неразработанными остаются вопросы, связанные с кадровым обеспечением карательно-исправительных учреждений первой половины XIX в.

В центре внимания настоящей статьи – корпус служащих провинциальных тюремных замков первой половины XIX в. На основе сопоставления материалов законодательства, устанавливавших порядок определения к должностям, и данных о состоянии пенитенциарных учреждений Европейского Севера России предпринимается попытка отразить особенности кадрового обеспечения.

Основная часть

Для развития пенитенциарной системы России первая половина XIX в. стала временем, когда центральное правительство впервые озаботилось созданием разветвленной сети карательно-исправительных учреждений, а тюремное заключение стало рассматриваться как гуманная альтернатива телесным наказаниям за самые разные правонарушения для всех слоев населения. Однако лишение свободы далеко не сразу получило широкое распространение в уголовно-исполнительной практике из-за крайне медленного строительства и обустройства мест заключения, что было связано, во-первых, с отсутствием продуманной пенитенциарной политики, во-вторых, с недофинансированием и ограниченностью материальных ресурсов.

Развитие сети тюремных учреждений на местах происходило в условиях «ситуационного» правового регулирования. Известно, что еще при Екатерине II появился проект «Положения о тюрьмах», содержавший прогрессивные, но не совместимые с российской действительностью нормы устройства карательно-исправительных учреждений. В частности, предполагалось, что тюремную администрацию в каждой губернии будет возглавлять надзиратель; штат губернской тюрьмы будет включать тюремщика, трех его помощников, трех старших и шесть младших сторожей, книгодержателя (т. е. бухгалтера) и копииста, кашевара и двух его помощников, портюма, четырех работниц, двух

общеуголовные преступления в местах заключения России в пореформенный период, 1864–1917 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. Академия МВД РФ, 1997; и др.

⁷ См., например: *Бортникова О.Н.* Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 гг. Тюмень: ТЮИ МВД РФ, 1999; *Казаченок В.В.* Пенитенциарные органы и учреждения Казанской губернии (1715–1917 гг.): историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Казанский федеральный университет, 2014; *Кузнецова Ю.В.* Общеуголовные тюрьмы российском империи в XIX веке (на примере Оренбургской губернии) // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 1 (26). С. 165–169.

дровосеков, а также должности служащих тюремной больницы (доктора, смотрителя, лекаря, лекарских учеников, сторожей и т. д.)⁸. Принятие закона, посвященного вопросам тюремного устройства, и установление штатов, несомненно, привели бы к упорядочению управления местами заключения, но даже к середине XIX в. осуществить это так и не удалось. Создание и функционирование мест заключения регулировалось разрозненными нормативными правовыми актами довольно расплывчатого содержания и циркулярными предписаниями, имевшими частный характер.

Согласно законодательству, сеть провинциальных пенитенциарных учреждений гражданского ведомства включала «особенные помещения» для досудебного содержания и отбывания административного ареста при городских полициях и городнических правлениях, тюремные замки (губернский и уездные) для совершеннолетних вменяемых преступников, а также особые заведения при приказах общественного призрения: для лиц «непотребного и невоздержанного жития» – смирительные дома; для лиц, «обличенных в краже, грабеже и мошенничестве», – рабочие дома⁹. Надзор, а вместе с ним и ответственность за состояние мест заключения, на уровне губернии вверялся губернскому правлению во главе с губернатором, приказу общественного призрения, губернскому прокурору и губернским стряпчим, на уровне уезда – полицмейстерам, городничим и уездным стряпчим¹⁰. При этом собственно служащие при тюремных заведениях не обозначались в штатных расписаниях местных учреждений. Следовательно, центральное правительство, определяя ответственных лиц, не предоставляло им средств для обеспечения нормального функционирования мест заключения. Отсутствовало понимание, какие должности следует замещать, кого к ним определять, за счет каких средств и в каком объеме выплачивать жалованье. Губернской администрации приходилось искать пути решения, исходя из имевшихся ресурсов и учитывая потребности вверенной в управление территории.

К началу XIX в. полный комплект пенитенциарных учреждений существовал далеко не в каждой губернии. Преобразования Екатерины II предусматривали создание на местах внушительных полицейских команд. Во многих городах, получивших таковой статус в ходе губернской реформы, но, по

⁸ Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 1. 1762–1825. Москва: Госюриздат, 1960. С. 77–78.

⁹ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 14: Уставы благочиния. Ч. 5: Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1832. С. 1.

¹⁰ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 14. С. 3.

сути, являвшихся сельскими поселениями с небольшим числом жителей, требовалось строительство зданий не только для размещения полиции и арестантов, но и других присутственных мест. Столь значительные издержки казна не смогла себе позволить, до конца XVIII в. осуществить задуманное в полном объеме так и не удалось. В частности, в Вологодской губернии губернская тюрьма размещалась в существовавшем до 1780 г. «деревянном ветхом остроге» и во «вновь построенном» каменном здании с тремя казармами для содержания мужчин, одной – для женщин и двумя – для «секретных» арестантов¹¹. Смирительный и рабочий дома не получили отдельных зданий и функционировали как одно учреждение в каменном строении бывшей Вологодской провинциальной канцелярии, переданном приказу общественного призрения в 1781–1782 гг. (на втором этаже находилась больница на 30 кроватей, на первом – рабочий и смирительный дома)¹². В уездных городах удалось построить только две «деревянные тюремные избы» (в Кадникове и Грязовце; к началу XIX в. они уже признавались «ветхими»)¹³. В остальных городах казенных тюремных зданий не имелось: арестанты находились в непригодных для этого помещениях при городнических правлениях. Не лучшим образом обстояла ситуация в Архангельской и Олонецкой губерниях.

В 1797 г. Павел I распорядился, чтобы

по городам, где учреждены донныне городские полиции, содержание их относится на счет городов тех губерний, предоставляя градским магистратам и думам под смотрением начальствующих губерниями расположить потребные на то суммы, по состоянию городов и в них обитателей...¹⁴

¹¹ О представлении ведомостей, учиненных Вологодской казенной палатой, о состоящих по Вологодской губернии казенных строениях, сколько и где потрачено // Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 388. Оп. 8. Д. 94. Л. 5.

¹² Подробнее см.: Плех О.А. Развитие системы пенитенциарных учреждений в провинции в первой половине XIX в. (на материалах Вологодской губернии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 4. С. 29.

¹³ О представлении ведомостей, учиненных Вологодской казенной палатой, о состоящих по Вологодской губернии казенных строениях, сколько и где потрачено // ГАВО. Ф. 388. Оп. 8. Д. 94. Л. 5 об.–7 об.

¹⁴ Указ от 18 декабря 1797 г. «О сбирании с дворянских имений особых сумм на содержание по губерниям судебных мест; о содержании на счет городов городских полиций; о возвышении подушного оклада; о прибавке на купеческие капиталы по ¼ процента, а на мещан по 50 копеек...» // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]: [в 45 т.] (далее – ПСЗ–1). Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 24. № 18 278. С. 848.

Это означало, что верховная власть обязалась выделять средства лишь на жалованье по штатным должностям и небольшие суммы на канцелярию, а все прочие расходы на полицейское управление, в том числе на охрану и содержание арестантов, должны были покрывать городские общества. В начале XIX в. общая численность чиновников и канцелярских служителей полиции в 25 городах северных губерний составляла не более 90 человек¹⁵. При таком ограниченном личном составе, едва позволявшем справляться с текущими задачами, вменить охрану арестантов в обязанности «штатных» полицейских не представлялось возможным. В связи с этим и жалованье тюремного смотрителя, и содержание арестантов должны были взять на свой счет горожане. Для северных губерний содержание полиции стало тяжелой повинностью; расходы на полицейское управление (освещение, отопление, содержание пожарных инструментов, содержание тюремных острогов, наем низших служителей) почти повсеместно превышали доходы городов. Так, в 1810-е гг. на Петрозаводскую полицию тратилось не менее 5 000 руб. при доходах города, не превышавших 3 000 руб.¹⁶ В остальных городах Олонецкой губернии, более бедных, чем губернский центр, низшие служители при полиции определялись «по наряду с обывательских домов» (т.е. несли натуральную повинность)¹⁷.

Из-за ограниченных финансовых возможностей северных губерний строительство тюремных замков растянулось на весь период правления Александра I. В каменных зданиях, более-менее приспособленных для содержания арестантов, размещались только тюрьмы в губернских центрах и в Великом Устюге. В остальных городах остроги представляли собой небольшие одноэтажные крытые тесом деревянные здания с железными решетками на окнах, обнесенные деревянным тыном¹⁸.

¹⁵ Городские полиции, включавшие полицмейстера, частных приставов, квартальных надзирателей и канцелярских служителей, были учреждены в наиболее крупных городах – Архангельск, Вологда, Великий Устюг; в остальных – действовали городнические правления, включавшие городничего и 1–2 письмоводителей (См.: О полицейском управлении в городах // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1286. Оп. 1. 1803 г. Д. 32 б. Л. 43; О сборе сведений о полицейском управлении и состоянии полиций в губернских и уездных городах России. Ч. 2 // РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 1 б. Л. 5, 49–49 об., 57–57 об.; Высочайше утвержденный штат Вологодской полиции от 25 июля 1807 г. // ПСЗ–1. Т. 44. Ч. 2. Отд. 4. К № 22992. С. 99; Общий штат уездных присутственных мест // ПСЗ–1. Т. 44. Ч. 2. Отд. 4. К № 24985. С. 222).

¹⁶ О сборе сведений о полицейском управлении и состоянии полиций в губернских и уездных городах России. Ч. 2 // РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 1 б. Л. 31 об.

¹⁷ Там же. Л. 37 об.–43 об.

¹⁸ Подробнее см.: Плех О.А. Развитие системы пенитенциарных учреждений в провинции в первой половине XIX в. (на материалах Вологодской губернии). С. 30.

В первое десятилетие XIX в. охрана заключенных, как правило, назначалась из нижних воинских чинов, состоявших в подчиненных губернской администрации гарнизонных ротах и уездных штатных командах. После «образования военной внутренней стражи» в 1811 г. ситуация изменилась. Среди обязанностей новых формирований, переданных в подчинение военного ведомства, сохранялось «отряжение нужных часовых к присутственным местам, тюрьмам и острогам», но при этом отмечалось, что нижние воинские чины «в отношении к губернскому начальству»

состоят единственно в действиях на исполнение закона и приговоров суда, и на охранение либо восстановление внутреннего порядка по требованиям губернского начальства¹⁹.

Следовательно, в вопросах охраны арестантов часовые напрямую не подчинялись полицейским чиновникам. Что же касается собственно тюремного персонала, то, как уже упоминалось, должность смотрителя не была предусмотрена штатными расписаниями. К тому же не существовало прямых и ясных предписаний о необходимости учреждения этих должностей. В связи с этим общий надзор за арестантами поручался полицмейстерам и городничим.

На практике такая система управления тюрьмами вызывала немало трудностей. Так, в январе 1819 г. архангельский военный губернатор А.Ф. Клокачев в докладной записке отмечал, что

полиция в Архангельске поставляется в совершенное затруднение, не имея людей в [нижние. – О. П.] полицейские служители... Прежде в губернских городах состояли у городничих губернские роты, военнослужители которых и содействовали полиции в исполнении ее обязанностей... С образованием внутренней стражи, а потом жандармских команд, полиция в губернском городе Архангельске не имеет у себя никакой воинской команды... В рассуждении уездных городов Архангельской губернии, смею присовокупить, что в оных состоит от 70-ти до 500 душ всё почти бедных мещан, домов обывательских от 60-ти до 240 в городе. Бедные обыватели не имеют ни торговли, ни прибыточных промыслов, но обязаны содержать думы или ратуши, а инде магистраты с сиротскими судами и для оных дома, также тюрьмы, иметь воинский постой инвалидов команд с их штаб- и обер-офицерами, при каковых тягостях на них лежащих и по неимению городских доходов нет ни малейшей возможности иметь в сих городах полиции на счет обывателей, между тем городничие обязаны содержать благочиние и

¹⁹ Положение для внутренней стражи от 3 июля 1811 г. // ПСЗ–1. Т. 31. № 24 704. С. 784–785.

спокойствие. Арестанты и тюрьмы им подведомственны, но не имея ни полицейского служителя, ни военнослужителей в своей команде не имеют и потребных средств к исполнению своих обязанностей. Арестанты, в тюрьмах содержимые, прямо находятся во всех отношениях на попечении городничих, но караул при тюрьмах им не подчинен, и они не получают даже сведения и донесений от военного караула, все ли арестанты на лицо и нет ли бежавших. По сим уважениям полезным представляется, чтоб в уездных городах от инвалидов команд отряжаемо было нужное число военнослужителей к городничему в его зависимость по полицейской части²⁰.

И хотя на это донесение реакции со стороны центрального правительства не последовало (государь «высочайше» повелел «оставить до устройства по новому предположению полиций»), обратить внимание на проблемы кадрового обеспечения тюрем все же пришлось.

В августе 1820 г. появился указ Сената «Об определении смотрителей острогов из полицейских чиновников». Поводом к его принятию послужил случай, произошедший в Харьковском остроге, откуда сбежал арестант. Ответственность за побег была возложена на смотрителя тюрьмы, коллежского регистратора Братчикова, который,

как по делу видно, выбран был из числа арестантов, вместо того, что оный должен быть определяем из полицейских чиновников²¹.

Сенат предписал губернским правлениям впредь не допускать подобных «беспорядков» и назначать смотрителей только из числа полицейских чиновников, однако правовое положение этой должности не пояснялось. Кроме того, Указом Сената запрещалось иметь «внутренние посты» в тюрьмах «для сохранения нравственности солдат и особливо молодых, кои нередко развращаются, находясь вместе с преступниками», а надзор за соблюдением порядка в острогах возлагался на надзирателей «из инвалидов»²². Реакцией губернской администрации на эти постановления стали запросы в центр с просьбой разъяснить, «на каком основании должно производить им содержание», поскольку не только в северных, но и в других губерниях многие города оказались не в состоянии «принять издержку сию на свой счет». В

²⁰ Две записки архангельского военного губернатора Клокачева // РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3751. Л. 1–4 об.

²¹ Указ от 10 августа 1820 г. «О определении смотрителей острогов из полицейских чиновников» // ПСЗ–1. Т. 37. № 28 375. С. 409.

²² Положение Комитета министров от 12 ноября 1821 г. «О назначении содержания тюремным содержателям на счет земских повинностей, в случаях недостатка городских доходов» // ПСЗ–1. Т. 37. № 28 807. С. 909.

ноябре 1821 г., по предложению министра внутренних дел, было принято положение, согласно которому, во-первых, в тюремные смотрители требовалось нанимать «инвалидов» из корпуса внутренней стражи; во-вторых, они поступали в «полное заведывание гражданского ведомства» с производством содержания, какое получали в корпусе внутренней стражи; в-третьих,

в случае недостатка по городам доходов, разлагать суммы, на содержание сих людей потребные, вообще на счет общих по губернии земских повинностей совместно с теми городами²³.

Следует отметить, что в тексте названных постановлений прямо не указывалось на необходимость иметь смотрителей при всех тюремных замках. Следовательно, инициатива в решении этого вопроса принадлежала губернской администрации, которая, по-видимому, не стремилась увеличивать налоговую нагрузку на население. Так, из отчетной ведомости о состоянии полиции в Вологодской губернии за 1826 г. видно, что служащие при тюрьмах имелись только в двух городах: в Вологде – смотритель и 4 нижних служителя, в Тотьме – караульные из инвалидной команды²⁴.

Иначе обстояла ситуация со служащими смирительных и рабочих домов. Как уже отмечалось, эти учреждения входили в число заведений, подведомственных приказу общественного призрения. До 1816 г. приказы были уполномочены самостоятельно нанимать смотрителей с выплатой жалованья из капиталов, находившихся в их распоряжении. После появления Александровского комитета о раненых, занимавшегося «вспомоществованием» офицерам, не способным к продолжению военной службы, порядок назначения «смотрителей при благотворительных заведениях» приказов общественного призрения изменился. Согласно указу от 5 мая 1816 г., Комитет получил право направлять на эти должности «изувеченных» офицеров с окладом от 120 до 600 руб. в год²⁵. Однако за приказами общественного призрения оставалось право определять нужное для их заведений число смотрителей. Так, в 1820 г. при Вологодском смирительном и рабочем домах находился тот же смотритель, что и при губернской больнице и доме умалишенных. По всей видимости,

²³ Положение Комитета министров от 12 ноября 1821 г. «О назначении содержания тюремным содержателям на счет земских повинностей, в случаях недостатка городских доходов». С. 910.

²⁴ Циркуляр Министерства внутренних дел Департаменту полиции о предоставлении сведений о состоянии дел в полиции // ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 494. Л. 5–24 об.

²⁵ Записка о замещении вакантных мест по министерствам отставленными за ранами офицерами // РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1748. Л. 12.

необходимости в особом чиновнике не было, поскольку эти учреждения, так же как и в начале века, функционировали как одно и делили здание с больницей. Правда, для караула были командированы служащие из внутреннего батальона²⁶.

Во второй четверти XIX в. на положение тюремных замков и их смотрителей было обращено особое внимание. Уже в первые годы своего правления Николай I озаботился состоянием местных тюрем, которые почти повсеместно нуждались в новых зданиях²⁷, но решить эту проблему в кратчайшие сроки не представлялось возможным: ни центральное правительство, ни губернии не могли принять на себя столь значительные расходы. В связи с чем с 1826 г. в случае, если тюремный острог пришел в «совершенную ветхость» и в городе отсутствовало свободное казенное здание для размещения заключенных, разрешалось для этих целей нанимать «приличные» обывательские дома²⁸.

Знаковым событием для развития пенитенциарной системы стала разработка «Инструкции смотрителю тюремного замка». «В виде проекта» она была разослана на места при циркулярном предписании Министерства внутренних дел от 9 апреля 1831 г. Губернаторам предлагалось руководствоваться ее положениями «по части тюремного устройства», но, учитывая реальное положение, с оговоркой: «сколько местные обстоятельства и способы позволят»²⁹. Впервые должное внимание уделялось тюремному персоналу, в первую очередь смотрителю.

Смотритель есть полный хозяин тюремного замка, и блюститель в оном внутреннего порядка, за который строго ответствен... полицмейстеру,

²⁶ Отчет вологодского гражданского губернатора, представленный генерал-губернатору за 1820 год // ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 413. Л. 14–14 об.

²⁷ В 1827 г. архангельский губернатор докладывал, что «остроги во всех... городах очень ветхи и тесны... впрочем от побега безопасны, но содержатся не в должной чистоте и исправности...» (См.: По обозрению губерний Нижегородской, Архангельской // РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1827 г. Д. 271. Л. 32).

²⁸ Предписание управляющего министерством внутренних дел гражданским губернаторам от 30 сентября 1826 г. «О удобнейшем помещении арестантов» // Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.]: [в 55 т.] (далее – ПСЗ–2). Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 1. № 604. С. 1016–1017.

²⁹ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 14: Уставы благочиния. Ч. 5: Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1832. С. 150.

губернскому прокурору и гражданскому губернатору, как своему начальству³⁰.

В Инструкции подробно прописывались полномочия и обязанности смотрителя, в том числе отмечалось, что с этим званием не могла быть «соединена никакая другая должность». Будучи ответственным за происходившее внутри тюрьмы, он должен был «иметь жительство» в замке и без ведома начальства не имел права его покидать. Ему в помощь разрешалось нанимать надзирателей, состоявших «в полном его ведении». Охрана прилегающей территории возлагалась на военный караул, у которого находился «главный ключ» от ворот тюрьмы.

Итак, к тюремному персоналу Инструкция относала смотрителей, надзирателей и караульных, и в целом очерчивала их правовое положение, при этом не содержала прямого предписания о необходимости иметь весь комплект должностных лиц при каждом остроге, что подтверждается и другими распоряжениями правительства. В частности, в сентябре 1835 г. рассматривались просьбы, поступившие от витебского, могилевского и смоленского генерал-губернатора и екатеринославского губернского начальства, об определении в ряде городов тюремных смотрителей. Одобрив эту инициативу, император распорядился и по прочим губерниям, если «может встретиться необходимость в определении особых чиновников в должность смотрителей тюремных замков» и поступит соответствующее представление от губернских начальников, назначать таковых с жалованьем для губернских тюрем 800 руб. и на канцелярские расходы 200 руб., для уездных – 500 и 150 соответственно³¹. Издержки эти относились на счет городских обществ, а в случае недостатка средств – на общие земские повинности³². В том же году смотрители тюрем были включены в «Расписание должностей гражданской службы по классам, от XIV до V включительно» и отнесены к XII классу³³. Следовательно, предполагалось, что назначаемые на должность лица будут иметь чин, равный губернскому секретарю. И хотя предусматривались

³⁰ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 14. С. 174.

³¹ Указ от 28 сентября 1835 г. «Об определении в должности смотрителей тюремных замков особых чиновников» // ПСЗ–2. 1836. Т. 10. Отд. 2. № 8 431. С. 988.

³² Следует отметить, что с 1833 г. все расходы на содержание тюрем в случае недостатка городских доходов включались в общие земские сборы (См.: Положение Комитета министров от 12 декабря 1833 г. «Об обращении расходов на содержание в городах тюремных острогов, в случае недостатка городских доходов, на общие земские сборы» // ПСЗ–2. 1834. Т. 8. Отд. 1. № 6 627. С. 762–763).

³³ Расписания должностей гражданской службы по классам от XIV до V включительно // ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 751. Л. 66 об.

исключения из этого правила (в случае крайней необходимости разрешалось назначать лиц, имевших чины одним классом выше или двумя ниже), факт включения смотрителей в «Расписание» означал, что эта должность относилась к разряду «класных». В 1852 г. в смотрители дозволялось определять отставных военных офицеров с сохранением военных чинов и мундиров без эполет с тем,

чтобы они пользовались сим правом только до переименования их, в случае желания, в гражданские чины, или до производства в высшие, по выслуге лет, на общем основании³⁴.

Значительное время потребовалось для того, чтобы разработать порядок назначения тюремных надзирателей. С 1831 г. разрешалось на эти должности определять нижние чины из внутренней стражи, имевшие «некоторые недостатки» («небольшое сведение рук или ног, выхождение заднепроходной кишки, недержание мочи»)³⁵. В сентябре 1833 г. по корпусу внутренней стражи было объявлено высочайшее повеление о замещении должностей «вольнонаемными людьми», т. е. изъявившими желание добровольцами, однако таковых отыскивалось меньше, чем требовалось³⁶. В январе 1841 г. последовало новое распоряжение: определять в тюремные надзиратели отставных нижних чинов, состоявших под покровительством Александровского комитета о раненых,

на том самом основании, как определяет Комитет к гражданским местам отставных раненых штаб- и обер-офицеров, и... сообщить начальникам губерний именные списки о таковых инвалидах, могущих по состоянию здоровья продолжать службу в должностях тюремных надзирателей, для зависящего распоряжения об определении тех из них, кои пожелают занять сие место и признаны будут к тому способными³⁷.

На будущее губернаторам вменялось в обязанность, ходатайствуя о пенсиях из инвалидного капитала нижним чинам, предоставлять в Комитет сведения,

³⁴ Указ от 24 ноября 1852 г. «О определении отставных военных офицеров в смотрители тюремных замков» // ПСЗ–2. 1853. Т. 27. Отд. 1. № 26 809. С. 739.

³⁵ Положение Комитета министров от 22 января 1831 г. «О дозволении определять из внутренней стражи в разные служительские должности нижних чинов с некоторыми недостатками, и о соображении с сим положением по Морскому ведомству» // ПСЗ–2. 1832. Т. 6. Отд. 1. № 4 282. С. 52.

³⁶ Указ от 22 января 1841 г. «О дозволении определять в тюремные надзиратели отставных военных чинов» // ПСЗ–2. 1842. Т. 16. Отд. 1. № 14 213. С. 67.

³⁷ Там же.

«кто из них пожелает занять место тюремного надзирателя и способны ли они к тому по их качествам». Комитету, в свою очередь, поручалось вести списки кандидатов и «по мере надобности» определять желающих к должностям. С 1842 г. в случае, если не находилось желающих отставных инвалидов, разрешалось заполнять вакансии уволенными от службы унтер-офицерами, отказавшимися от производства в офицеры³⁸. Как видно, главных кандидатов на должности надзирателей верховная власть видела в нижних чинах из корпуса внутренней стражи, в первую очередь, вышедших в отставку «за ранами», а также, в порядке исключения, допускала назначение «уволенных» унтер-офицеров³⁹. Следовательно, речь шла о лицах, не имевших чинов по Табели о рангах.

В «Инструкции смотрителю тюремного замка» оказался обойден вниманием вопрос, связанный с положением палачей («катов»), которые де-факто включались в персонал тюрьмы. Этот пробел был восполнен в 1834 г. В соответствии с циркулярным предписанием Министерства внутренних дел, при неимении желающих быть палачами из свободных людей, надлежало

избирать в сию должность... из осужденных решениями уголовных палат к ссылке в Сибирь и к наказанию плетью, освобождая с тем вместе таковых от присужденного им телесного наказания⁴⁰.

При этом подчеркивалось, что назначение преступников на данную должность являлось уже устоявшейся практикой. Палачи должны были всегда находиться в тюремных замках под надзором смотрителей; содержание их и их семей включалось в тюремные расходы. В каждой губернии полагалось иметь двух палачей.

Во второй четверти XIX в. на развитие пенитенциарной системы на местах оказывали влияние и изменения в уголовном законодательстве. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. тюремное заключение выступало как одно из основных наказаний и предусматривалось многими статьями, что, безусловно, следует рассматривать как прогрессивное явление,

³⁸ Указ от 5 сентября 1842 г. «О замещении вакансий тюремных надзирателей унтер-офицерами, отказавшимися от производства в офицеры» // ПСЗ–2. 1843. Т. 17. Отд. 1. № 16 018. С. 895–896.

³⁹ По всей видимости, учитывалась практика управления тюрьмами, накопившая достаточно много примеров, когда молодые и здоровые унтер-офицеры вступали в сговор с арестантами и предавались пьянству, тем самым способствуя побегам.

⁴⁰ По предписанию Министерства внутренних дел вологодскому гражданскому губернатору об определении на должность палачей из преступников // ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 610. Л. 1.

но реализация его на практике требовала развитой сети мест заключения, способной разместить значительное число арестантов⁴¹. Между тем проектирование и строительство тюрем в соответствии с «образцовыми» проектами шло очень медленно. Так, в Вологодской губернии к середине 1840-х гг. функционировал губернский тюремный замок (каменное двухэтажное здание, вмещавшее 300 заключенных; при нем были учреждены больница и церковь)⁴². Каменные остроги также появились в Кадникове, Устюге, Тотьме и Сольвычегодске. В остальных уездных городах тюрьмы были деревянными, «весьма ветхими», требовавшими значительного ремонта (за исключением устьсысольской), причем в Вельске, Никольске и Яренске их еще удавалось поддерживать «каждогодными починками», а в Грязовце уже нет⁴³. Здание рабочего и смиренного домов в Вологде также признавалось ветхим, планировалось возведение нового⁴⁴. Во всех уездных тюрьмах не было отдельного содержания лиц, находившихся под следствием, и осужденных. Аналогичные проблемы испытывали многие губернии (не только северные), что заставило правительство пойти на экстраординарные меры: с 1842–1843 гг. вводились «особые сборы» с населения для покрытия издержек на устройство «помещений для присутственных мест и тюрем»⁴⁵. С 1844 по 1854 г. по Вологодской губернии дозволялось собирать на эти цели по 4 коп. серебром с каждой податной души и по 0,25 % с купеческих капиталов⁴⁶.

⁴¹ Уже в скором времени после введения в действие Уложения появился целый ряд указов, по которым «из-за чрезмерного накопления арестантов в рабочих домах и тюрьмах» тех, кто был приговорен к продолжительным срокам заключения, начали ссылать в Сибирь на поселение (См., например: Указ от 12 июня 1852 г. «О немедленной ссылке в Сибирь на поселение тех арестантов обоего пола, содержащихся в рабочих домах и тюрьмах, которым срок содержания должен еще продолжиться более трех лет» // ПСЗ–2. 1853. Т. 27. Отд. 1. № 26 367; Мнение Государственного совета от 23 ноября 1853 г. «О мерах к устранению накопления арестантов в местах заключения, и о распределении по местам ссылки преступников из жителей Сибири» // ПСЗ–2. 1854. Т. 28. Отд. 1. № 27 722).

⁴² Сметы на ремонт зданий тюрем губернии // ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4159. Л. 9.

⁴³ Отчет вологодского гражданского губернатора за 1843 год // ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1030. Л. 7–7 об.; Отчет вологодского гражданского губернатора за 1844 год // ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1093. Л. 5 об.–6; Отчет вологодского губернатора за 1845 год // ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1423. Л. 8–8 об.

⁴⁴ Отчет вологодского губернатора за 1845 год // ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1423. Л. 12 об.–13.

⁴⁵ Об устройстве помещений для присутственных мест и тюрем по Вологодской губернии // РГИА. Ф. 1286. Оп. 8. 1842 г. Д. 607. Л. 22 об.

⁴⁶ Об установлении сбора с населения Вологодской губернии на постройку зданий присутственных мест и тюрем // РГИА. Ф. 218. Оп. 2. Д. 774. Л. 25–25 об.

Сложившаяся в 1840-е гг. ситуация отражалась и на кадровой политике: увеличивать тюремный персонал центральное правительство не стремилось. В частности, в 1848 г.

в видах сокращения расхода людей, назначаемых из инвалидных команд для караулов в зданиях, где содержатся арестанты и преступники, присужденные к тюремному заключению,

предписывалось эти помещения обустраивать таким образом,

чтобы несколько отдельных комнат имели один вход и один коридор, дабы одного часового было достаточно для охранения нескольких таковых арестантских камор⁴⁷.

Между тем к положительным тенденциям следует отнести то, что с конца 1830-х гг. должности тюремных смотрителей стали замещаться на регулярной основе. Так, в 1844 г. в Олонецкой губернии смотрители имелись в 6 уездных тюрьмах⁴⁸, из них один чиновник 9 класса, два коллежских регистратора, прапорщик и два унтер-офицера⁴⁹. По сословной принадлежности пятеро относились к выходцам из податных состояний (четыре крестьянина и один мещанин). Все они являлись отставными военными (поступили на службу по рекрутским наборам) в возрасте от 49 до 58 лет. На должности смотрителей назначены на рубеже 1830–1840-х гг. На общем фоне выделялся чиновник 9 класса, происходивший из обер-офицерских детей и начавший службу в столичных учреждениях, где попал под суд и был удален от службы, а в 1844 г. прибыл в губернию и поступил на вакансию смотрителя Лодейнопольского острога (по всей видимости, ни на какое другое место «проштрафившийся» чиновник уже не мог претендовать). По Вологодской губернии удалось обнаружить сведения о чиновниках Министерства внутренних дел за 1850 г.⁵⁰: при должностях состояло 9 смотрителей⁵¹. Семеро из них были отставными военными: шестеро крестьян, призванных по рекрутским наборам, и один дворянин, получивший образование в 1-м кадетском корпусе. Двое других

⁴⁷ Указ от 1 сентября 1848 г. «О назначении часовых для караулов при арестантских каморах» // ПСЗ–2. 1849. Т. 23. Отд. 1. № 22 545. С. 564.

⁴⁸ В губернском остроге должность пребывала вакантной.

⁴⁹ Формулярные списки чиновников Олонецкой губернии // РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844 г. Д. 514. Ч. 2. Л. 214 об.–217, 223 об.–229, 235 об.–237, 243 об.–246, 252 об.–255, 262 об.–264.

⁵⁰ Формулярные списки чиновников Министерства внутренних дел по Вологодской губернии // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 7771. Л. 415 об.–420, 447 об.–454, 488 об.–495, 502 об.–505, 520 об.–523, 528 об.–529, 544 об.–547, 559 об.–566, 585 об.–588.

⁵¹ Место грязовецкого тюремного смотрителя было вакантным.

происходили из канцелярской среды (один – из детей обер-офицеров, второй – из приказных) и имели опыт гражданской службы. Чины 10-го класса имели трое служащих, 12-го – двое, 13-го – один, 14-го – трое. Возраст всех смотрителей превышал 50 лет. Свои должности они заняли также в конце 1830-х – начале 1840-х гг., за исключением никольского смотрителя, назначенного в 1830 г. Представленные данные позволяют увидеть, что кадровый состав в целом соответствовал ожиданиям правительства: смотрители тюремных замков, главным образом, рекрутировались из отставных военных. Правда, далеко не всегда из лиц, имевших соответствующий должности чин.

Заключение

В первой половине XIX в. организация работы пенитенциарных учреждений представляла собой непростую задачу для центрального правительства. После проведения губернской реформы 1775 г. предполагалось, что в губерниях появится соответствующая местному аппарату управления разветвленная сеть мест заключения. Однако их создание (в первую очередь материальная база) являлось дорогостоящим мероприятием, осуществить которое одновременно и за счет казны не удалось. Основную финансовую нагрузку на содержание пенитенциарных учреждений возложили на города, которые в северных губерниях в большинстве своем были малочисленными и бедными. В связи с этим строительство тюрем растянулось на всю первую четверть XIX в., причем для экономии средств начали с возведения небольших деревянных «изб», которые уже спустя несколько десятилетий требовали «каждогодных починок». Все это напрямую сказывалось и на кадровом обеспечении. Ответственность за состояние тюрем центральное правительство возлагало на губернскую администрацию и рассчитывало, что она обеспечит надлежащую охрану, при этом прямо не предписывалось иметь смотрителей и надзирателей при каждом остроге. В штатные расписания тюремный персонал не включался, а в отдельных указах подчеркивалось, что смотрителей нужно назначать из полицейских чиновников, хотя формально к их функциям относился только надзор за заключенными под стражу. Кроме того, более чем скромные штаты полиции северных губерний не позволяли совмещать полицейскую службу с охраной арестантов. В итоге в первые десятилетия XIX в. тюрьмы, в первую очередь располагавшиеся в уездных центрах, хотя и считались «на попечении» городничих, но, по сути, находились лишь под присмотром караульных из внутренней стражи, которые с 1811 г. перешли в подчинение военного ведомства и распоряжений гражданских чиновников уже не выполняли.

При Николае I развитию пенитенциарной системы стало уделяться больше внимания. В «Инструкции смотрителю тюремного замка» 1831 г. впервые прописывались полномочия, обязанности и условия службы смотрителей и

надзирателей, но отсутствовали требования к кандидатам на эти должности. Потребовалось более десятилетия для того, чтобы законодатель установил, кого к ним определять, за счет каких средств и в каком объеме выплачивать жалованье. Предпочтение отдавалось отставным военным. Смотрителям полагалось иметь чин XII класса. Кандидатов на должности надзирателей верховная власть видела в нижних чинах из корпуса внутренней стражи, в первую очередь вышедших в отставку «за ранами». Издержки на жалованье, как и на содержание тюрем вообще, относились на счет городских обществ (в случае недостатка доходов – на общие земские повинности). Если в первой четверти XIX в. тюремные смотрители появлялись на местах в порядке исключения, то с конца 1830-х гг. эти должности замещались на регулярной основе. Однако инициатива в назначении дополнительного персонала в той или иной тюрьме по-прежнему принадлежала губернской администрации, которая, в свою очередь, не стремилась увеличивать издержки, поскольку в 1840-е гг. вопросы кадрового обеспечения находились в тени более значительной проблемы: во многих городах старые деревянные остроги надлежало заменить новыми каменными зданиями, соответствовавшими «образцовым» проектам и требованиям содержания арестантов.

Таким образом, проблемы кадрового обеспечения решались по мере развития пенитенциарной системы и напрямую зависели от состояния мест заключения. Тюремный персонал не входил в штатные расписания местных учреждений и регулировался частным порядком, по инициативе, исходившей снизу, а губернская администрация в своих донесениях отталкивалась от потребностей и текущих задач, не стремясь раздувать штат сотрудников и тем самым увеличивать налоговую нагрузку на население губернии.

Introduction

The problems of the formation and development of the penitentiary system in the Russian Empire attract special attention of modern researchers. Scientists did address these issues in the 19th and in the 20th centuries, but pre-revolutionary publications mainly contained theoretical considerations aimed at improving the legislative

regulation of the penal system,¹ and the works of the Soviet period² brought to the fore the political aspects of the penal policy of the state. Perhaps, V. Nikitin's study stands out against the general background. V. Nikitin made an attempt to reveal the real situation of prisons, but the source base allowed him to consider only the metropolitan places of detention. Moreover, the author focused his attention on the proposals dealing with the transformation of the penitentiary system.³ Valuable information can be found in the fundamental monograph by M. Gernet, which was based on a significant array of archival materials introduced into scientific circulation for the first time.⁴ At present, legal scholars and historians are engaged in the study of the penitentiary system in the Russian Empire, thanks to which a significant contribution was made to the development of this range of problems.⁵ Scholars turn

¹ N.S. Tagantsev, *Russian criminal law: common part. Lectures* [in Russian], vol. 2 (St Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1902); I.Ya. Foinitskii, *Theory of punishment in connection with prison studies* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya, 1889).

² V.N. Dvoryanov, *In the Siberian far land... (Essays on the history of political penal servitude and exile, the 1760s – 1917)* [in Russian] (Minsk: Nauka i tekhnika, 1985); S.V. Kodan, *Political exile in the system of punitive measures of autocracy in the first half of the 19th century* [in Russian] (Irkutsk: IrGU, 1980); S.S. Ostroumov, *Crime and its causes in pre-revolutionary Russia* [in Russian] (Moscow: MGU, 1980).

³ V.N. Nikitin, *Prison and exile: 1560–1880. Historical, legislative, administrative, and household situation of prisoners, transit prisoners, their children, and those released from custody, from the time Russian prison appeared to the present day* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya G. Shparvarta, 1880).

⁴ M.N. Gernet, *History of tsarist prison* [in Russian], vol. 1–3 (Moscow: Gosyurizdat, 1960–1961).

⁵ V.I. Alekseev, *Penitentiary policy of Russia in the second half of the 19th – early 20th century* [in Russian] (Tyumen: TyumGU, 2008); M.G. Detkov, *Punishment in tsarist Russia. The system of its execution* [in Russian] (Moscow: Interpravo, 1994); N.Sh. Kollmann, *Crime and punishment in early modern Russia* [in Russian], trans. P.I. Prudovskii, ed. A.B. Kamenskii (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016); A.D. Margolis, *Prison and exile in imperial Russia: research and archaeological finds* [in Russian] (Moscow: Lanterna: Vita, 1995); B.N. Mironov, *Russian empire: from tradition to modernity* [in Russian], vol. 3 (St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2015); A.R. Pavlushkov, *Penitentiary system of the Russian Orthodox Church during the imperial period* [in Russian] (Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2014); A.P. Pechnikov, *Prison establishments of the Russian state (1649 – October 1917): historical chronicle* [in Russian] (Moscow: Shchit-M, 2004); P.P. Pirogov, *Staffing the prison department of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries* [in Russian] (Murmansk: MGI, 2004); I.V. Uporov, *Penitentiary policy of Russia in the 18th–20th centuries. Historical and legal analysis of development trends* [in Russian] (St Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2004); M. Ackeret, *In der Welt der Katorga: Die Zwangsarbeitsstrafe für politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin)* (München: Osteuropa-Institut München, 2007); S. Badcock, *A prison without walls: Eastern Siberian exile in the last years of tsarism* (Oxford: Oxford University Press, 2016); L. Behrisch, "Social discipline in early modern Russia, 17th–19th centuries," in *Institutionen, Instrumente und Akteure sozialer*

their attention to the vast collections of documentary materials that are stored in the regional archives more often, which allows them to reflect the functioning of provincial prisons. Meanwhile, research works based on a concrete historical documentary basis are mainly represented by the studies that cover the second half of the 19th – early 20th centuries.⁶ The peculiarities of formation and development of the penitentiary system at the local level in the 18th – first half of the 19th centuries undergo retrospective analysis to a much lesser extent, which is apparently connected with the fragmentary source base.⁷ Questions related to the staffing of penal correctional institutions in the first half of the 19th century have been very little studied so far.

Kontrolle und Disziplinierung im frühneuzeitlichen Europa = Institutions, instruments and agents of social control and discipline in early modern Europe, ed. H. Schilling and L. Behrisch (Frankfurt-am-Main: Vittorio Klostermann, 1999), 325–57; D. Beer, *The house of the Dead: Siberian exile under the tsars* (London: Penguin Books, 2017); C. Emsley and L. Knaffa, eds., *Crime history and history of crime: studies in the historiography of crime and criminal justice in modern history* (Westport; London: Greenwood Press, 1996); A. Gentes, *Exile to Siberia, 1590–1822: corporeal commodification and administrative systematization in Russia* (New York: Palgrave Mcmillan, 2008); L. McReynolds, *Murder most Russian: true crime and punishment in late imperial Russia* (Ithaca; London: Cornell University Press, 2013); J. Neuberger, *Hooliganism: crime, culture and power in St Petersburg, 1900–1914* (Stanford: Stanford University Press, 1993); A. Wood, “Russian ‘Wild East’: exile, vagrancy, crime in Siberia, XIX century,” in *The history of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*, ed. A. Wood (London: Routledge, 1991), 117–37; et al.

⁶ M.K. Batchaeva, *The activities of the Russian Society of Trustees for Prisons in the second half of the 19th – early 20th centuries: based on materials from the Stavropol and Kuban regions* [in Russian] (PhD diss., Stavropol State University, 2009); M.V. Zakharov, *Russian penitentiary system in the years of Great Reforms (1861–1881)* [in Russian] (PhD diss., Moscow State Pedagogical University, 2007); D.V. Kolomentsev, *Russian prison system in the 1850s–1880s and its reform* [in Russian] (PhD diss., Voronezh State Pedagogical University, 2004); A.E. Konyaev, *Prisons of European Russia in 1879–1917: socio-economic aspect of operation: based on the materials of Yaroslavl and Vladimir governorates* [in Russian] (PhD diss., Ivanovo State University, 2010); E.A. Loktionova, *Formation and development of the penitentiary system in Kursk Governorate in the second half of the 19th – early 20th centuries* [in Russian] (PhD diss., Kursk State University, 2004); N.I. Petrenko, *Organizational and legal foundations of the execution of punishment for ordinary crimes in places of detention in Russia in the post-reform period, 1864–1917* [in Russian] (PhD diss., Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997); et al.

⁷ See, e.g., O.N. Bortnikova, *Prison Siberia: penitentiary system of Western Siberia in 1801–1917* [in Russian] (Tyumen: TYuI MVD RF, 1999); V.V. Kazachenok, *Penitentiary bodies and institutions of Kazan Governorate (1715–1917): historical and legal research* [in Russian] (PhD diss., Kazan Federal University, 2014); Yu.V. Kuznetsova, “General-criminal prisons of the Russian empire in the 19th century (on the example of the Orenburg province)” [in Russian], *Samarskii nauchnyi vestnik*, vol. 8, no. 1 (26) (2019): 165–69.

This article focuses on the corps of employees of the provincial prison castles in the first half of the 19th century. Based on the comparison of the legislation that established the procedure for assigning to the positions and the data on the state of penitentiary institutions in Northern European Russia, the author of the article undertakes an attempt to reflect the peculiarities of staffing.

Main body

For the development of Russian penitentiary system, the first half of the 19th century was the time when the central government became concerned about the creation of an extensive network of penal and correctional institutions for the first time and imprisonment began to be seen as a humane alternative to corporal punishment for a wide variety of offenses for all segments of population. However, imprisonment did not immediately become widespread in the penal practice due to the extremely slow construction and equipment of places of detention, which was associated, firstly, with the lack of a well-thought-out penitentiary policy and, secondly, with underfunding and limited material resources.

The development of the network of local prisons took place under the conditions of “situational” legal regulation. It is known that the draft Regulations on Prisons appeared during the reign of Catherine the Great. It contained progressive but incompatible with Russian reality norms for the organization of penal and correctional institutions. In particular, it was assumed that prison administration of each governorate should be headed by a warder; the staff of a governorate prison should include a jailer, his three assistants, three senior and six junior guards, a book keeper (i.e., an accountant) and a copyist, a cook and two assistant cooks, a laundryman, four female workers, two woodcutters, as well as the positions in the prison hospital (a doctor, a caretaker, a paramedic, medical apprentices, watchmen, etc.).⁸ The adoption of a law on prison issues and the approval of staffing tables would undoubtedly have led to the improved prison management, but even by the middle of the 19th century it had not been done. The establishment and operation of places of detention was regulated by some uncoordinated legislative acts of rather vague contents and by individual circulars.

According to the legislation, the network of provincial penitentiary institutions of the civil department included “special premises” for pre-trial detention and serving administrative arrest under the town police and town councils, governorate and uyezdz prison castles for adult sane criminals, and also special institutions under the departments of public charity: reformatories for the persons of “indecent and intemperate life” and workhouses for the persons “convicted of theft, robbery and

⁸ M.N. Gernet, *History of tsarist prison* [in Russian], vol. 1, 1762–1825 (Moscow: Gosyurizdat, 1960), 77–78.

fraud.”⁹ At the governorate level, the supervision together with the responsibility for the state of places of detention was entrusted to the governorate government headed by the governor, the department of public charity, the governorate prosecutor, and the governorate solicitors; at the uyezd level, to the police chiefs, the mayor, and the uyezd solicitors.¹⁰ The actual employees of prison establishments were not indicated in the staffing tables of local institutions. Consequently, when appointing the responsible persons, the central government did not provide them with the means to ensure the normal functioning of the places of detention. There was no understanding which positions should be filled, who should be assigned to them, how much they should be paid, and where to get money for salaries. The governorate administration had to look for solutions, proceeding from the available resources and taking into account the needs of the territory entrusted to their management.

At the beginning of the 19th century, not every governorate possessed a complete set of penitentiary institutions. The reforms of Catherine the Great provided for the formation of impressive police squads at the local level. Many towns that received such status during the provincial reform but actually were rural settlements with a small number of residents were required to erect buildings to house the police and prisoners as well as other public institutions. The treasury could not afford such significant expenses. It was not possible to carry out the plan in full until the end of the 18th century. In particular, in Vologda Governorate, the governorate prison was located in the ramshackle wooden building of the prison that existed until 1780 and in a “newly constructed” stone building with three barracks for containing men, one for women, and two for “secret” prisoners.¹¹ The reformatory and the workhouse did not receive separate buildings and functioned as one institution in the stone building of the former Vologda governorate chancellery that had been given to the department of public charity in 1781–82 (there was a hospital with 30 beds on the first floor as well as a workhouse and a reformatory on the ground floor).¹² Only two “wooden prison

⁹ *The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of Emperor Nicholas Pavlovich*, vol. 14, *Statutes of the deanery*, pt. 5, *Code of institutions and charters about those held in custody and about the exiles* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1832), 1.

¹⁰ *The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of Emperor Nicholas Pavlovich*, vol. 14, 3.

¹¹ “O predstavlenii vedomostei, uchinennykh Vologodskoi kazennoi palatoi, o sostoyashchikh po Vologodskoi gubernii kazennykh stroeniyakh, skol'ko i gde potracheno” [On the submission of statements issued by the Vologda Treasury Chamber about the government buildings in Vologda Governorate, what for and how much money was spent]. F. 388, op. 8, d. 94, l. 5. Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti [State Archives of Vologda Oblast] (GAVO), Vologda, Russia.

¹² For more, see O.A. Plekh, “The development of penitentiary institutions in the Russian province in the early 19th century (based on materials of the Vologda province)” [in Russian], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya*, no. 4 (2019): 29.

izbas” were built in the uyezd towns (in Kadnikov and in Gryazovets; at the beginning of the 19th century they were already listed as ramshackle).¹³ There were no state-owned prison buildings in other towns, and the prisoners were kept in the unsuitable premises that belonged to town administrations. The situation was no better in Arkhangelsk and Olonets governorates.

In 1797, Paul I ordered:

In the towns where the town police have been established, their maintenance is attributed to the towns, town magistrates, and councils under the supervision of the heads of the governorates should allocate the sums of money required for that according to the condition of the towns and their residents. . .¹⁴

This meant that the supreme power undertook to allocate funds only for salaries and small amounts for the office, and all other costs of the police department, including the protection and maintenance of prisoners, had to be covered by town communities. At the beginning of the 19th century, the total number of officials and clerical police officers in 25 towns of the northern governorates was no more than 90 people.¹⁵ With such a limited staff who were barely able to cope with current tasks it was not possible to assign the protection of prisoners to the “regular” police

¹³ “O predstavlenii vedomostei, uchinennykh Vologodskoi kazennoi palatoi, o sostoyashchikh po Vologodskoi gubernii kazennykh stroeniyakh, skol’ko i gde potracheno” [On the submission of statements issued by the Vologda Treasury Chamber about the government buildings in Vologda Governorate, what for and how much money was spent]. F. 388, op. 8, d. 94, ll. 5 ob.–7 ob. GAVO.

¹⁴ Decree of December 18, 1797 “On collecting special sums from noble estates for the maintenance of court venues in the provinces; on the maintenance of the town police at the expense of the towns; on the rise of capitation tax; on the ¼ percent tax raise for merchant capital and 50 kopeck raise for petty bourgeoisie...” [in Russian], in *Complete collection of laws of the Russian Empire* [Collection 1: till December 12, 1825], 45 vols. (hereinafter – PSZ–1) (St Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1830), vol. 24, no. 18 278, 848.

¹⁵ Town police that included police chief, bailiffs, district warders, and clerical officers were established in the largest cities of Arkhangelsk, Vologda, and Veliky Ustyug; the rest of cities and towns had town administrations, which included the mayor and 1–2 clerks (See “O politseiskom upravlenii v gorodakh” [On police administration in the cities]. F. 1286, op. 1. 1803, d. 32 b, l. 43. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia; “O sbore svedenii o politseiskom upravlenii i sostoyanii politsii v gubernskikh i uezdnykh gorodakh Rossii. Ch. 2” [On the collection of information about police administration and state of the police in the principal cities of governorates and uyezds of Russia. Pt. 2.]. F. 1290, op. 1, d. 1 b, ll. 5, 49–49 ob., 57–57 ob. RGIA; “Vysochaishe utverzhdenyi shtat Vologodskoi politsii ot 25 iyulya 1807 g.” [The imperially approved staff of the Vologda police as of July 25, 1807], PSZ–1, vol. 44, pt. 2, sec. 4, col. 22992, 99; “Obshchii shtat uezdnykh prisutstvennykh mest” [General staff of uyezd offices], PSZ–1, vol. 44, pt. 2, sec. 4, col. 249852, 222).

officers. In this regard, the expenses for the salary of the prison superintendent and the maintenance of prisoners had to be covered by the townspeople. For the northern governorates, maintenance of the police became a heavy burden: the costs for police management (lighting, heating, maintenance of fire tools, maintenance of prisons, and hiring lower personnel) exceeded the incomes of towns almost everywhere. For instance, in the 1810s, at least 5 000 roubles were spent on Petrozavodsk police, but the income of the city did not exceed 3 000 roubles.¹⁶ In the other towns of Olonets Governorate, which were poorer than the governorate center, the lower police employees were selected from “the residents’ houses” (i.e. it was a duty paid in kind).¹⁷

Due to the limited financial capacities of the northern governorates, the construction of prison castles stretched out for the entire period of the reign of Alexander I. Only prisons in the provincial centers and in Veliky Ustyug were located in stone buildings that were more or less adapted for keeping prisoners. In other towns, prisons were located in small one-story wooden buildings surrounded by a wooden fence, with planked roofs and iron bars on the windows.¹⁸

In the first decade of the 19th century, the guards were mostly appointed from the lower military ranks of the garrison companies and uyezd staff subordinate to the governorate administration. After the establishment of the internal military guard in 1811, the situation changed. Assignment of sentries to offices and prisons remained among the responsibilities of the new formations, which were transferred to the subordination of the military department, but it was noted that “in relation to the governorate authorities” the lower military ranks

were only to carry out actions for the execution of the law and court sentences and for the protection or restoration of internal order at the request of the governorate authorities.¹⁹

Consequently, in matters of guarding prisoners, the sentries were not directly subordinate to the police officials. As for the prison staff themselves, as it was mentioned above, the staffing tables did not include the position of a superintendent. In addition, there were no direct and clear instructions on the need to establish these

¹⁶ “O sbore svedenii o politseiskom upravlenii i sostoyanii politsii v gubernskikh i uezdnykh gorodakh Rossii. Ch. 2” [On the collection of information about police administration and state of the police in the principal cities of governorates and uyezds of Russia. Pt. 2.]. F. 1290, op. 1, d. 1b, l. 31 ob. RGIA.

¹⁷ *Ibid.*, ll. 37 ob.–43 ob.

¹⁸ For more, see Plekh, “The development of the system of penitentiary institutions in the Russian province,” 30.

¹⁹ “Polozhenie dlya vnutrennei strazhi ot 3 iyulya 1811 g.” [Regulations for the internal guard as of July 3, 1811], PSZ–1, vol. 31, no. 24 704, 784–85.

posts. Because of that, general supervision of the prisoners was entrusted to the chiefs of police and mayors.

In practice, this system of prison management caused many difficulties. For instance, in January 1819, Arkhangelsk Military Governor A. Klokachev noted in his memorandum:

The police in Arkhangelsk have been in a difficult situation, with no people to hire as [lower – *O. P.*] police officers. . . Mayors of the provincial cities used to have governorate companies, whose servicemen assisted the police in fulfilling their duties. . . With the formation of the internal guard and the gendarme squads after that, the police in the governorate city of Arkhangelsk do not have any military squad. . . Considering the uyezds towns of Arkhangelsk Governorate, I dare add that they count from 70 to 500 residents, almost all of whom are poor, and there are from 60 to 240 households in the towns. Poor residents do not do any trade or profitable crafts, but they are obliged to maintain dumas or town halls, magistrates with orphan courts and buildings for them as well as prisons, and they are also to provide quarters for military invalids and their officers, which makes it impossible to have police in these towns at the expense of the townsfolk with the burdens lying on them and due to the lack of town income. Meanwhile the mayors are obliged to maintain wellbeing and peace. The prisoners and prisons are in their charge, but without having either a police officer or military personnel in their squads, they do not have the necessary means to fulfill their duties. The prisoners who are contained in prisons are directly in the mayors' charge in all respects, but the sentries in the prisons are not subordinate to the mayors, and they do not even receive information and reports from the military guard on whether all the prisoners are in or whether there have been escapees. According to all of the above, it seems useful that the necessary number of military personnel of the invalid squads in the uyezds towns should be assigned to the mayor in order to perform the police duties.²⁰

Although there was no response to this report from the central government (the sovereign “most highly” ordered “to leave the police until the new proposal was made”), it was necessary to pay attention to the problems of staffing prisons.

In August 1820, the Senate issued a decree “On the appointment of police officials as prison superintendents.” The reason why the decree was issued was an incident that occurred in the Kharkov prison (where a prisoner escaped). Responsibility for the escape was imposed on the prison superintendent, Collegiate Registrar Bratchikov, who,

²⁰ “Dve zapiski arkhangel'skogo voennogo gubernatora Klokacheva” [Two notes of Arkhangelsk Military Governor Klokachev]. F. 1409, op. 1, d. 3751, ll. 1–4 ob. RGIA.

as it can be seen from the case, was chosen from among the prisoners, although the position should be filled by someone from among the police officials.²¹

The Senate ordered the governorate councils to prevent such “riots” in the future and to appoint only police officials as superintendents, but the legal status of this position was not clarified. In addition, it was forbidden by the Senate Decree to have “internal posts” in prisons so as “to preserve the morality of the soldiers and especially of the young ones, who were often corrupted while being together with criminals.” The enforcement of order in prison was entrusted to the warders “from among the invalids.”²² The governorate administration responded to these decisions by asking the center to clarify “the basis on which they should be kept,” since a lot of towns in the northern governorates as well as elsewhere were unable to “bear the costs.” In November 1821, at the suggestion of the Minister of the Interior, a provision was adopted according to which, firstly, prison warders were to be hired from among the “invalids” of the internal guard corps; secondly, they entered the “full-time service of the civil department” with the same salary as they received in the internal guard corps; thirdly,

in case of a lack of income in the towns, the sums required for the allowance of these people were to be shared between the general zemstvo dues in the governorate and those towns.²³

It should be noted that the text of these resolutions did not directly indicate the need to have a superintendent at all prison castles. Therefore, the initiative in solving this issue belonged to the governorate administration, which apparently did not seek to increase the tax burden on the population. So, the report on the state of the police in Vologda Governorate for 1826 clearly shows that there were prison employees only in two settlements: a superintendent and 4 lower attendants in Vologda and sentries from the invalid squad in Totma.²⁴

²¹ “Ukaz ot 10 avgusta 1820 g. ‘O opredelenii smotritelei ostrogov iz politseiskikh chinovnikov’” [Decree of August 10, 1820 “On the appointment as prison superintendents those from among the police officials”], PSZ–1, vol. 37, no. 28 375, 409.

²² “Polozhenie Komiteta ministrov ot 12 noyabrya 1821 g. ‘O naznachanii sodержaniya tyuremnym sodержatelyam na schet zemskikh povinnostei, v sluchayakh nedostatka gorodskikh dokhodov’” [Regulation of the Committee of Ministers as of November 12, 1821 “On the allocation of allowance to prison keepers at the expense of zemstvo dues in cases of lack of town income”], PSZ–1, vol. 37, no. 28 807, 909.

²³ *Ibid.*, 910.

²⁴ “Tsirkulyar Ministerstva vnutrennikh del Departamentu politsii o predostavlenii svedenii o sostoyanii del v politsii” [Circular of the Ministry of Internal Affairs to the Police Department on the provision of information about the state of affairs in the police]. F. 18, op. 1, d. 494, ll. 5–24 ob. GAVO.

The situation was different with the employees of reformatories and workhouses. As already noted, these establishments were among the institutions subordinate to the department of public charity. Until 1816, the departments were authorized to independently hire superintendents and pay them salaries from the capital at their disposal. After the appearance of the Alexander Committee for the Wounded whose objective was to aid the officers who were not capable of continuing military service, the procedure for appointing “superintendents at charitable institutions” under the department of public charity changed. According to the decree of May 5, 1816, the Committee received the right to send “crippled” officers to these positions with a salary of 120 to 600 roubles per year.²⁵ However, the departments of public charity reserved the right to determine the number of superintendents necessary for their institutions. For instance, in 1820, the superintendent at the governorate hospital and insane asylum was also in charge of the Vologda reformatory and workhouse. Apparently, there was no need for a special official because these institutions functioned as one and shared the building with the hospital just the same way as it was at the beginning of the century. However, members of the internal battalion were sent to keep guard.²⁶

In the second quarter of the 19th century, special attention was paid to the situation of prison castles and their superintendents. In the first years of his reign, Nicholas I became concerned about the condition of local prisons, almost all of which were in need of new buildings,²⁷ but it was not possible to solve this problem quickly: neither the central government nor the governorates could take on such significant expenses. In this respect, in 1826 it was allowed to rent “decent” residents’ houses for keeping prisoners if a prison building was “completely dilapidated” and there were no vacant public buildings in the town.²⁸

²⁵ “Zapiska o zameshchenii vakantnykh mest po ministerstvam otstavlennymi za ranami ofitserami” [Note on the filling of vacancies in the ministries by the offices who were dismissed because of wounds]. F. 1409, op. 1, d. 1748, l. 12. RGIA.

²⁶ “Otchet vologodskogo grazhdanskogo gubernatora, predstavlenyi general-gubernatoru za 1820 god” [Report of the Vologda Civil Governor for 1820 submitted to the Governor-General]. F. 18, op. 1, d. 413, ll. 14–14 ob. GAVO.

²⁷ In 1827 the governor of Arkhangelsk reported that “the prisons in all. . . towns were very ramshackle and cramped. . . however, they were escape-proof but not kept in proper cleanliness and good order. . .” (See “Po obozreniyu gubernii Nizhegorodskoi, Arkhangel'skoi” [On the review of Nizhny Novgorod, Arkhangelsk governorates]. F. 1286, op. 4. 1827, d. 271, l. 32. RGIA).

²⁸ “Predpisanie upravlyayushchego ministerstvom vnutrennikh del grazhdanskim gubernatoram ot 30 sentyabrya 1826 g. ‘O udobneishem pomeshchenii arestantov’” [Direction of the head of the Ministry of Internal Affairs to civil governors as of September 30, 1826 “On the most convenient premises for prisoners”]. *Complete collection of laws of the Russian Empire* [Collection 2: from December 12, 1825 till February 28, 1881], 55 vols. (hereinafter – PSZ–2) (St Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1832), vol. 1, no. 604, 1016–17.

The appearance of the “Instructions to the Superintendent of a Prison Castle” became a milestone in the development of the penitentiary system. It was sent to the governorates “as a draft proposal” together with the circular order of the Ministry of Internal Affairs dated April 9, 1831. It was suggested that the governors should follow its provisions “on the prison structure,” but given the real situation, with the reservation “as much as local circumstances and means allow.” Due attention was paid to prison staff, primarily the superintendent, for the first time.²⁹

The superintendent is the complete owner of the prison castle and the guardian of the internal order therein, for which he is strictly responsible. . . to the police chief, the governorate prosecutor, and the civil governor as his superiors.³⁰

The instruction spelled out the powers and duties of the superintendent in detail, and it was also noted that “no other position could be combined with this rank.” Bearing full responsibility for what was happening inside, the superintendent was to reside in the prison castle and had no right to leave it without permission of his superiors. He was allowed to hire warders to assist him, the warders being “in his full charge.” The security of the adjacent territory was entrusted to the military guard who kept the “main key” to the prison gate.

As we can see, the instruction regarded superintendents, warders, and sentries as prison staff and generally outlined their legal status. However, it did not directly stipulate the necessity to hire a full set of officials for each prison, which is confirmed by other government orders. In particular, the requests to assign prison superintendents to a number of towns that were submitted by Vitebsk, Mogilev, and Smolensk governor-generals and by Yekaterinoslav governorate authorities were considered in September 1835. The emperor approved their initiative and also ordered that “should there be a need to appoint special officials as superintendents at prison castles” and the governorate authorities file “a corresponding request,” “superintendents must be appointed to governorate prisons with a salary of 800 roubles and 200 roubles for office expenses and to uyezd prisons, 500 and 150 roubles, respectively.”³¹ These costs were assigned to the town communities, and

²⁹ *The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of Emperor Nicholas Pavlovich*, vol. 14, *Statutes of the deanery*, pt. 5, *Code of institutions and charters about those held in custody and about the exiles* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1832), 150.

³⁰ *The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of Emperor Nikolai Pavlovich*, vol. 14, 174.

³¹ “Ukaz ot 28 sentyabrya 1835 g. ‘Ob opredelenii v dolzhnosti smotritelei tyuremnykh zamkov osobykh chinovnikov’” [Decree of September 28, 1835 “On the appointment of special officials in the position of superintendents of prison castles”], PSZ–2, 1836, vol. 10, sec. 2, no. 8 431, 988.

if there was a lack of funds, to the general zemstvo dues.³² In the same year, prison superintendents were included in the twelfth rank of the “Table of Civil Service Positions by Class, from the Fourteenth to the Fifth Inclusively.”³³ Consequently, it was assumed that the persons appointed to the position would have a class rank equal to the governorate secretary (*gubernskii sekretar'*). Although there were exceptions to this rule (in case of extreme necessity, it was allowed to appoint persons whose rank was one class above or two classes below), the fact that the superintendents were included in the Table meant that this position belonged to the category of class ranks. In 1852 it was allowed to appoint retired military officers as superintendents with the preservation of military ranks and uniforms without epaulettes,

so that they could use this right only until they are transferred, if desired, into civil ranks, or before they are promoted to higher class ranks according to time in service on a general basis.³⁴

It took considerable time to develop the procedure for assigning prison warders. In 1831, it was allowed to assign to these positions the lower ranks of the internal guard who had “some defects” (“slightly cramped arms or legs, the prolapse of the rectum, urinary incontinence”).³⁵ In September 1833, the highest order was announced for the internal guard corps to fill positions with “free employers”, i.e. volunteers who expressed such a desire, but there were fewer of them than required.³⁶

³² It should be noted that from 1833 on, all expenses for the maintenance of prisons in the event of a shortage of city incomes were included in the general zemstvo taxes (See “Polozhenie Komiteta ministrov ot 12 dekabrya 1833 g. ‘Ob obrashchenii raskhodov na sodержanie v gorodakh tyuremnykh ostrogov, v sluchae nedostatka gorodskikh dokhodov, na obshchie zemskie sbory” [Regulation of the Committee of Ministers as of December 12, 1833 “On the transfer of expenses for the maintenance of prisons in cities to general zemstvo fees in the case of a shortage of city income”], PSZ–2, 1834, vol. 8, pt. 1, no. 6 627, 762–63.

³³ “Raspisaniya dolzhnostei grazhdanskoï sluzhby po klassam ot XIV do V vklyuchitel'no” [Table of Civil Service positions by class, from the 14th to the 5th inclusively]. F. 14, op. 1, d. 751, l. 66 ob. GAVO.

³⁴ “Ukaz ot 24 noyabrya 1852 g. ‘O opredelenii otstavnykh voennykh ofitserov v smotriteli tyuremnykh zamkov” [Decree of November 24, 1852 “On the appointment of retired military officers as superintendents of prison castles”]. PSZ–2, 1853, vol. 27, pt. 1, no. 26 809, 739.

³⁵ “Polozhenie Komiteta ministrov ot 22 yanvarya 1831 g. ‘O dozvolenii opredelyat' iz vnutrennei strazhi v raznye sluzhitel'skie dolzhnosti nizhnikh chinov s nekotorymi nedostatkami, i o soobrazhenii s sim polozheniem po Morskomu vedomstvu” [Regulations of the Committee of Ministers as of January 22, 1831 “On permission to appoint officers of lower ranks from the internal guard with some defects to various civil positions, and on considerations with this regulation in the Naval Department”], PSZ–2, 1832, vol. 6, sec. 1, no. 4 282, 52.

³⁶ “Ukaz ot 22 yanvarya 1841 g. ‘O dozvolenii opredelyat' v tyuremnye nadzirатели otstavnykh voennykh chinov” [Decree of January 22, 1841 “On permission to appoint retired military ranks as prison warders”], PSZ–2, 1842, vol. 16, sec. 1, no. 14 213, 67.

In January 1841, a new order was issued, according to which it was allowed to appoint the retired officers of lower ranks who were under the patronage of the Alexander Committee for the Wounded as prison warders

on the same basis as the Committee assigns the retired wounded staff- and subaltern officers to the civilian positions, and. . . to inform the heads of governorates of the nominal lists of those invalids whose health allows them to continue service as prison warders for a dependent order to appoint those of them who wish to take this position and will be recognized as capable of doing it.³⁷

In the future, when the governors applied for pensions to be granted to lower ranks from the invalids' capital, they were obliged to provide the Committee with the information on "who of them would like to take the position of prison warder and whether their personality makes them capable to do the job." The Committee, in turn, was instructed to keep the lists of candidates and to assign those who wish to these positions "as needed." In 1842 it was allowed to fill the vacancies with non-commissioned officers who were dismissed from service and refused to be promoted to officers if there were no retired invalids.³⁸ As we can see, the supreme power saw the lower ranks of the internal guard corps, primarily those who had retired "because of wounds" as the main candidates for the positions of warders, and also allowed the appointment of "dismissed" non-commissioned officers as an exception.³⁹ Therefore, it concerned the persons who did not have ranks according to the Table of Ranks.

The "Instructions to the Superintendent of a Prison Castle" ignored the issue related to the situation of the executioners (*katy*), who were de facto included in the prison staff. This gap was filled in 1834. In accordance with the circular order of the Ministry of Internal Affairs, in the absence of free people wishing to work as executioners, it was necessary

to elect to this position. . . those who were convicted by the decisions of the criminal chambers to exile in Siberia and to punishment with whips, at the same time exempting them from corporal punishment.⁴⁰

³⁷ "Ukaz ot 22 yanvarya 1841 g. 'O dozvolenii opredelyat' v tyuremnye nadzirately otstavnykh voennykh chinov'" [Decree of January 22, 1841 "On permission to appoint retired military ranks as prison warders"], PSZ-2, 1842, vol. 16, sec. 1, no. 14 213, 67.

³⁸ "Ukaz ot 5 sentyabrya 1842 g. 'O zameshchenii vakansii tyuremnykh nadziratelye inter-ofitserami, otkazavshimisya ot proizvodstva v ofitsery'" [Decree of September 5, 1842 "On the filling of vacancies of prison guards by non-commissioned officers who refused to be promoted to officers"], PSZ-2, vol. 17, 1843, sec. 1, no. 16 018, 895-96.

³⁹ Apparently, the practice of managing prisons was taken into account, which had accumulated a lot of examples when young and healthy non-commissioned officers colluded with prisoners and indulged in drunkenness, thereby facilitating escape.

⁴⁰ "Po predpisaniyu Ministerstva vnutrennikh del vologodskomu grazhdanskomu gubernatoru ob opredelenii na dolzhnost' palachei iz prestupnikov" [In compliance with the order of the Ministry

It was emphasized that the appointment of criminals to this position had already been a common practice. The executioners were to stay in prison castles under the supervision of the superintendents. The allowance for maintaining them and their families was included in prison expenses. Each governorate was supposed to have two executioners.

In the second quarter of the 19th century, changes in criminal legislation also had an effect on the development of the local penitentiary system. In the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845, imprisonment was one of the main forms of punishment, specified in many articles. It certainly should be considered as a progressive phenomenon, but its implementation in practice required a developed network of places of detention, capable of accommodating a significant number of prisoners.⁴¹ Meanwhile, design and construction of prisons in accordance with the “model” proposals was very slow. For example, in the mid-1840s, there was a prison castle in Vologda Governorate (a two-story stone building that could accommodate 300 prisoners with a hospital and a church).⁴² Stone prisons also appeared in Kadnikov, Ustyug, Totma, and Solvychevodsk. In the rest of the uyezd towns, wooden prison buildings were “very ramshackle” and required significant repairs (except for Ust-Sysolsk). In Velsk, Nikolsk, and Yarensk, it was still possible to maintain the prison buildings “by annual repairs,” but it was no longer possible in Gryazovets.⁴³ The building of the workhouse and reformatory in Vologda was also

of Internal Affairs to Vologda Civil Governor on the appointment of criminals to the position of executioners]. F. 18, op. 1, d. 610, l. 1. GAVO.

⁴¹ Soon after the enactment of the Code, a number of decrees appeared, according to which “due to the excessive accumulation of prisoners in workhouses and prisons” those who were sentenced to long terms of imprisonment began to be exiled to Siberia for settlement (See, e.g., “Ukaz ot 12 iyunya 1852 g. ‘O nemedlennoi ssylke v Sibir’ na poselenie tekhn arestantov oboego pola, sodержashchikhsya v rabochikh domakh i tyur'makh, kotorym srok sodержaniya dolzhen eshche prodolzhit'sya bolee trekh let” [Decree of June 12, 1852 “On the immediate exile to Siberia for settlement of the prisoners of both sexes held in workhouses and prisons, whose term of imprisonment should continue for more than three years”], PSZ–2, 1853, vol. 27, sec. 1, no. 26 367; “Mnenie Gosudarstvennogo soveta ot 23 noyabrya 1853 g. ‘O merakh k ustraneniyu nakopleniya arestantov v mestakh zaklyucheniya, i o raspredelenii po mestam ssylki prestupnikov iz zhitelei Sibiri” [Opinion of the State Council as of November 23, 1853 “On measures to eliminate the accumulation of prisoners in places of detention and on the distribution of criminals from among Siberian residents to places of exile”], PSZ–2, 1854, vol. 28, sec. 1, no. 27 722).

⁴² “Smety na remont zdaniy tyurem gubernii” [Estimates for the repair of prison buildings in the governorate]. F. 14, op. 1, d. 4159, l. 9. GAVO.

⁴³ “Otchet vologodskogo grazhdanskogo gubernatora za 1843 god” [Report of the Vologda Civil Governor for 1843]. F. 18, op. 1, d. 1030, ll. 7–7 ob. GAVO; “Otchet vologodskogo grazhdanskogo gubernatora za 1844 god” [Report of the Vologda Civil Governor for 1844]. F. 18, op. 1, d. 1093, ll. 5 ob.–6. GAVO; “Otchet vologodskogo gubernatora za 1845 god” [Report of the Vologda Governor for 1845]. F. 18, op. 1, d. 1423, ll. 8–8 ob. GAVO.

recognized as dilapidated, and it was planned to build a new one.⁴⁴ There was no separation of persons under investigation and convicts in the uyezd prisons. Many governorates (and not only in the North) had similar problems, which is why the government was forced to take extraordinary measures: in 1842–43 “special taxes” were imposed on the population in order to cover the costs of arranging “premises for public offices and prisons.”⁴⁵ In Vologda Governorate, it was allowed to collect 4 kopecks of silver for these purposes from each taxable person and 0.25% from merchant capitals between 1844 and 1854.⁴⁶

The situation of the 1840s was reflected in the staffing policy: the central government did not strive to increase the prison staff. In particular, in 1848

in terms of reducing the expenses on people assigned from invalid squads to guard the buildings where prisoners and criminals sentenced to imprisonment are contained,

it was ordered to arrange these premises in such a way

that several separate rooms have one entrance and one corridor, so that one sentry could be enough to guard several prison cells.⁴⁷

Meanwhile, the fact that in the late 1830s the positions of prison superintendents began to be filled on a regular basis should be viewed as a positive trend. In 1844, there were superintendents in 6 uyezd prisons⁴⁸ in Olonets Governorate, among whom there was one official of the 9th class rank, two collegiate registrars, one warrant officer, and two non-commissioned officers.⁴⁹ In terms of estate, five of them belonged to taxable estates (four peasants and one urban resident). All of them were

⁴⁴ “Otchet vologodskogo gubernatora za 1845 god” [Report of the Vologda Governor for 1845]. F. 18, op. 1, d. 1423, ll. 12 ob.–13. GAVO.

⁴⁵ “Ob ustroistve pomeshchenii dlya prisutstvennykh mest i tyurem po Vologodskoi gubernii” [On the arrangement of premises for offices and prisons in Vologda Governorate]. F. 1286, op. 8. 1842, d. 607, l. 22 ob. RGIA.

⁴⁶ “Ob ustanovlenii sbora s naseleniya Vologodskoi gubernii na postroiku zdaniy prisutstvennykh mest i tyurem” [On levying duty on the population of Vologda Governorate for the construction of buildings for public offices and prisons in the governorate]. F. 218, op. 2, d. 774, ll. 25–25 ob. RGIA.

⁴⁷ “Ukaz ot 1 sentyabrya 1848 g. ‘O naznachenii chasovykh dlya karaulov pri arestantskikh kamorakh’” [Decree of September 1, 1848 “On the appointment of sentries to guard prison cells”], PSZ–2, 1849, vol. 23, sec. 1, no. 22 545, 564.

⁴⁸ In the governorate prison, the position was vacant.

⁴⁹ “Formulyarnye spiski chinovnikov Olonetskoii gubernii” [Service records of the officials of Olonets Governorate]. F. 1349, op. 4, 1844, d. 514, part 2, ll. 214 ob.–217, 223 ob.–229, 235 ob.–237, 243 ob.–246, 252 ob.–255, 262 ob.–264. RGIA.

retired military men (who had been recruited to the army) between 49 and 58 years of age. They took office as superintendents in the late 1830s – early 1840s. The official of the 9th class rank stood out against the general background. He came from a subaltern officer's family and began service in the capital but was sent to court for trial and was removed from service. In 1844 he arrived in the governorate and filled the vacancy of the superintendent of the Lodeynoye Pole prison (apparently, the official "at fault" could apply for no other positions). It was possible to find information about the officials of the Ministry of Internal Affairs who served in Vologda Governorate in 1850.⁵⁰ Nine persons served as superintendents.⁵¹ Seven of them were retired military men: six peasants who had been recruited to the army and one nobleman who had received education at the First Cadet Corps. The other two came from official environment (one was from a subaltern officer's family and another from a clerk's family) and had some experience of civilian service. Three employees held 10th class rank; two, 12th; one, 13th; three, 14th. All superintendents were over 50 years old. They took their positions in the late 1830s – early 1840s, except for the Nikolsk superintendent who was appointed in 1830. The data presented show that on the whole the staff corresponded to the expectations of the government: the superintendents of prison castles were mainly recruited from the retired military men. However, not all of them had the rank that met the requirements for the position.

Conclusion

In the first half of the 19th century, the organization of penitentiary institutions' work was a challenge for the central government. After the territorial reform of 1775, it was assumed that an extensive network of places of detention corresponding to the local administrative apparatus would appear in the governorates. However, their establishment (primarily the material resources) appeared to be costly, and it was not possible to fulfill the plan at once and at the expense of the treasury. Cities and towns, most of which in the North were small and poor, were to bear the financial burden of the maintenance of penitentiary institutions. That is why the construction of prisons was lengthy and took the entire first quarter of the 19th century. In order to save money, the first step was to construct small wooden izbas, which required annual repairs after several decades. All this told on staffing. The central government placed responsibility for the state of prisons on the provincial administration and hoped that the latter would provide adequate security, while it was not directly

⁵⁰ "Formulyarnye spiski chinovnikov Ministerstva vnutrennikh del po Vologodskoi gubernii" [Service records of the officials of the Ministry of Internal Affairs in Vologda Governorate]. F. 1349, op. 5, d. 7771, ll. 415 ob.–420, 447 ob.–454, 488 ob.–495, 502 ob.–505, 520 ob.–523, 528 ob.–529, 544 ob.–547, 559 ob.–566, 585 ob.–588. RGIA.

⁵¹ The position of the Gryazovets prison superintendent was vacant.

ordered to have superintendents and warders in every prison. Prison employees were not included in the staffing tables, and separate decrees emphasized that superintendents should be appointed from among police officials, although formally their duties included only supervision of persons taken into custody. In addition to that, more than modest number of police staff in the northern governorates made it impossible to combine police work with the protection of prisoners. As a result, in the first decades of the 19th century, despite the fact that prisons were considered to be under the charge of the mayor, in fact prisons (primarily those located in the uyezd towns) were under the supervision of sentries from the internal guard, who became subordinate to the military department in 1811 and did not execute the orders given by civilian officials.

During the reign of Nicholas I, more attention was paid to the development of the penitentiary system. The “Instructions to the Superintendent of a Prison Castle” of 1831 outlined the powers, duties, and conditions of service of the superintendents and warders for the first time, but there were no requirements for candidates for these positions. It took more than a decade for the legislation to establish who was to be appointed and from what funds and in what amount their salaries were to be paid. Preference was given to retired military men. The superintendents were supposed to have the twelfth class rank. The lower ranks of the internal guard corps who had retired because of wounds were considered by the supreme power as candidates for the positions of warders. The costs of salaries as well as maintenance of prisons in general were assigned to town communities (or to general zemstvo dues in the event of a lack of income). In the first quarter of the 19th century, prison superintendents were appointed by way of exception, but in the late 1830s, these positions were filled on a regular basis. However, the initiative in appointing additional personnel in a particular prison still belonged to the governorate administration, which, in its turn, did not seek to increase costs, since in the 1840s staffing issues were overshadowed by a more significant problem: in many towns, it was necessary to replace old wooden prison buildings with new stone buildings that would comply with the “model” project proposals and would meet the requirements for the maintenance of prisoners.

Thus, the staffing problems were solved in step with the development of the penitentiary system and were directly dependent on the condition of places of detention. Prison personnel were not included in the staffing tables of local institutions and in each particular instance were regulated on the initiative from below while the governorate administration proceeded from current needs and tasks in its reports, not seeking to inflate the staff and thereby increase the tax burden on the population of the governorate.

Список литературы

- Алексеев В.И.* Пенитенциарная политика России во второй половине XIX – начале XX века. Тюмень: ТюмГУ, 2008. 393 с.
- Батчаева М.К.* Деятельность российского «Общества попечительного о тюрьмах» во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах Ставрополья и Кубани: дис. ... канд. ист. наук. Ставропольский государственный университет, 2009. 220 л.
- Бортникова О.Н.* Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 гг. Тюмень: ТЮИ МВД РФ, 1999. 301 с.
- Гернет М.Н.* История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 1. 1762–1825. Москва: Госюриздат, 1960. 384 с.
- Гернет М.Н.* История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 2. 1825–1870. Москва: Госюриздат, 1961. 582 с.
- Дворянов В.Н.* В сибирской дальней стороне... (Очерки истории политической каторги и ссылки, 60-е гг. XVIII в. – 1917 г.). Минск: Наука и техника, 1985. 303 с.
- Детков М.Г.* Наказание в царской России. Система его исполнения. Москва: Интерправо, 1994. 119 с.
- Захаров М.В.* Российская пенитенциарная система в годы «Великих реформ» (1861–1881 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Московский педагогический государственный университет, 2007. 208 л.
- Казаченок В.В.* Пенитенциарные органы и учреждения Казанской губернии (1715–1917 гг.): историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Казанский федеральный университет, 2014. 233 л.
- Кодан С.В.* Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в. Иркутск: ИрГУ, 1980. 95 с.
- Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени / перевод с английского П.И. Прудовского; научный редактор А.Б. Каменский. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 616 с.
- Коломенцев Д.В.* Тюремная система России в 50–80-е гг. XIX века и ее реформирование: дис. ... канд. ист. наук. Воронежский государственный педагогический университет, 2004. 177 л.
- Коняев А.Е.* Тюремные учреждения Европейской России в 1879–1917 гг.: социально-экономический аспект деятельности: по материалам Ярославской и Владимирской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Ивановский государственный университет, 2010. 210 л.
- Кузнецова Ю.В.* Общеуголовные тюрьмы российском империи в XIX веке (на примере Оренбургской губернии) // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 1 (26). С. 165–169.
- Локтионова Е.А.* Становление и развитие пенитенциарной системы в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Курский государственный университет, 2004. 183 л.
- Марголис А.Д.* Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и археологические находки. Москва: Лантерна: Вита, 1995. 207 с.
- Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2015. 992 с.
- Никитин В.Н.* Тюрьма и ссылка: 1560–1880 г. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы, до наших дней. Санкт-Петербург: Типография Г. Шпарварта, 1880. IV, 674 с.

- Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. Москва: МГУ, 1980. 204 с.
- Павлушков А.Р.* Карательно-исправительная система русской православной церкви в имперский период. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014. 250 с.
- Петренко Н.И.* Организационно-правовые основы режима исполнения наказания за общеуголовные преступления в местах заключения России в пореформенный период, 1864–1917 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. Академия МВД РФ, 1997. 213 л.
- Печников А.П.* Тюремные учреждения российского государства (1649 – октябрь 1917 гг.): Историческая хроника. Москва: Щит-М, 2004. 324 с.
- Пирогов П.П.* Кадровое обеспечение тюремного ведомства Российской империи в XIX – начале XX вв. Мурманск: МГИ, 2004. 171 с.
- Плех О.А.* Развитие системы пенитенциарных учреждений в провинции в первой половине XIX в. (на материалах Вологодской губернии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 4. С. 26–40.
- Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: Часть общая. Лекции: в 2 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1902. 656 с.
- Упоров И.В.* Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. 608 с.
- Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения, 1889. VIII, 504 с.
- Ackeret M.* In der Welt der Katorga: Die Zwangsarbeitsstrafe für politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin). München: Osteuropa-Institut München, 2007. 166 s.
- Badcock S.* A prison without walls: Eastern Siberian exile in the last years of tsarism. Oxford: Oxford University Press, 2016. VIII, 195 p.
- Beer D.* The House of the Dead: Siberian exile under the tsars. London: Penguin Books, 2017. XX, 487 p.
- Behrisch L.* Social discipline in early modern Russia, 17th–19th centuries // Institutionen, Instrumente und Akteure sozialer Kontrolle und Disziplinierung im frühneuzeitlichen Europa = Institutions, instruments and agents of social control and discipline in early modern Europe / edited by H. Schilling, L. Behrisch. Frankfurt-am-Main: Vittorio Klostermann, 1999. S. 325–357.
- Crime history and history of crime: studies in the historiography of crime and criminal justice in modern history / edited by C. Emsley, L. Knaffa. Westport; London: Greenwood Press, 1996. 313 p.
- Gentes A.* Exile to Siberia, 1590–1822: corporeal commodification and administrative systematization in Russia. New York: Palgrave Mcmillan, 2008. 256 p.
- McReynolds L.* Murder most Russian: true crime and punishment in late imperial Russia. Ithaca; London: Cornell University Press, 2013. XI, 274 p.
- Neuberger J.* Hooliganism: crime, culture and power in St Petersburg, 1900–1914. Stanford: Stanford University Press, 1993. XIV, 324 p.
- Wood A.* Russian «Wild East»: exile, vagrancy, crime in Siberia, XIX century // The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution / edited by A. Wood. London: Routledge, 1991. P. 117–137.

References

Ackeret, M. *In der Welt der Katorga: Die Zwangsarbeitsstrafe für politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin)*. München: Osteuropa-Institut München, 2007.

Alekseev, V.I. *Penitentsiarnaya politika Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [Penitentiary policy of Russia in the second half of the 19th – early 20th century]. Tyumen: TyumGU, 2008. (In Russian)

Badcock, S. *A prison without walls: Eastern Siberian exile in the last years of tsarism*. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Batchaeva M.K. *Deyatel'nost' rossiiskogo 'Obshchestva popechitel'nogo o tyur'makh' vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: na materialakh Stavropol'ya i Kubani* [The activities of the Russian Society of Trustees for Prisons in the second half of the 19th – early 20th centuries: based on materials from the Stavropol and Kuban regions]. PhD diss. Stavropol State University, 2009. (In Russian)

Beer, D. *The house of the Dead: Siberian exile under the tsars*. London: Penguin Books, 2017.

Behrisch, L. “Social discipline in early modern Russia, 17th–19th centuries.” In *Institutionen, Instrumente und Akteure sozialer Kontrolle und Disziplinierung im frühneuzeitlichen Europa = Institutions, instruments and agents of social control and discipline in early modern Europe*, edited by H. Schilling and L. Behrisch, 325–57. Frankfurt-am-Main: Vittorio Klostermann, 1999.

Bortnikova, O.N. *Sibir' tyuremnaya: penitentsiarnaya sistema Zapadnoi Sibiri v 1801–1917 gg.* [Prison Siberia: penitentiary system of Western Siberia in 1801–1917]. Tyumen: TYuI MVD RF, 1999. (In Russian)

Detkov, M.G. *Nakazanie v tsarskoi Rossii. Sistema ego ispolneniya* [Punishment in tsarist Russia. The system of its execution]. Moscow: Interpravo, 1994. (In Russian)

Dvoryanov, V.N. *V sibirskoi dal'nei storone... (Ocherki istorii politicheskoi katorgi i ssylki, 60-e gg. XVIII v. – 1917 g.)* [In the Siberian far land... (Essays on the history of political penal servitude and exile, the 1760s–1917)]. Minsk: Nauka i tekhnika, 1985. (In Russian)

Emsley, C., and L. Knaffa, eds. *Crime history and history of crime: studies in the historiography of crime and criminal justice in modern history*. Westport; London: Greenwood Press, 1996.

Foinitskii, I.Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [Theory of punishment in connection with prison studies]. St Petersburg: Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya, 1889. (In Russian)

Gentes, A. *Exile to Siberia, 1590–1822: corporeal commodification and administrative systematization in Russia*. New York: Palgrave Mcmillan, 2008.

Gernet, M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my* [History of tsarist prison]. 5 vols. Vol. 1, 1762–1825. Moscow: Gosyurizdat, 1960. (In Russian)

Gernet, M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my* [History of tsarist prison]. 5 vols. Vol. 2, 1825–1870. Moscow: Gosyurizdat, 1961. (In Russian)

Kazachenok, V.V. *Penitentsiarnye organy i uchrezhdeniya Kazanskoi gubernii (1715–1917 gg.): istoriko-pravovoe issledovanie* [Penitentiary bodies and institutions of Kazan Governorate (1715–1917): historical and legal research]. PhD diss. Kazan Federal University, 2014. (In Russian)

Kodan, S.V. *Politicheskaya ssylka v sisteme karatel'nykh mer samodержaviya pervoi poloviny XIX v.* [Political exile in the system of punitive measures of autocracy in the first half of the 19th century]. Irkutsk: IrGU, 1980. (In Russian)

Kollmann, N.Sh. *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and punishment in early modern Russia]. Translated by P.I. Prudovskii. Edited by A.B. Kamenskii. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. (In Russian)

Kolomentsev, D.V. *Tyuremnaya sistema Rossii v 50–80-e gg. 19 veka i ee reformirovanie* [Russian prison system in the 1850s–1880s and its reform]. PhD diss. Voronezh State Pedagogical University, 2004. (In Russian)

Konyaev, A.E. *Tyuremnye uchrezhdeniya Evropeiskoi Rossii v 1879–1917 gg.: sotsial'no-ekonomicheskii aspekt deyatel'nosti: po materialam Yaroslavskoi i Vladimirskoi gubernii* [Prisons of European Russia in 1879–1917: socio-economic aspect of operation: based on the materials of Yaroslavl and Vladimir governorates]. PhD diss. Ivanovo State University, 2010. (In Russian)

Kuznetsova, Yu.V. “Obshcheugolovnye tyur'my rossiiskom imperii v XIX veke (na primere Orenburgskoi gubernii)” [General-criminal prisons of the Russian empire in the 19th century (on the example of the Orenburg province)]. *Samarskii nauchnyi vestnik*, vol. 8, no. 1 (26) (2019): 165–69. (In Russian)

Loktionova, E.A. *Stanovlenie i razvitie penitentsiarnoi sistemy v Kurskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov* [Formation and development of the penitentiary system in Kursk Governorate in the second half of the 19th – early 20th centuries]. PhD diss. Kursk State University, 2004. (In Russian)

Margolis, A.D. *Tyur'ma i ssylka v imperatorskoi Rossii: issledovaniya i arkhologicheskie nakhodki* [Prison and exile in imperial Russia: research and archaeological finds]. Moscow: Lanterna: Vita, 1995. (In Russian)

McReynolds, L. *Murder most Russian: true crime and punishment in late imperial Russia*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2013.

Mironov, B.N. *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian empire: from tradition to modernity]. 3 vols. Vol 3. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2015. (In Russian)

Neuberger, J. *Hooliganism: crime, culture and power in St Petersburg, 1900–1914*. Stanford: Stanford University Press, 1993.

Nikitin, V.N. *Tyur'ma i ssylka: 1560–1880 g. Istoricheskoe, zakonodatel'noe, administrativnoe i bytovoe polozhenie zaklyuchennykh, peresyl'nykh, ikh detei i osvobodennykh iz pod strazhi, so vremeni vozniknoveniya russkoi tyur'my, do nashikh dnei* [Prison and exile: 1560–1880. Historical, legislative, administrative, and household situation of prisoners, transit prisoners, their children, and those released from custody, from the time Russian prison appeared to the present day]. St Petersburg: Tipografiya G. Shparvarta, 1880. (In Russian)

Ostroumov, S.S. *Prestupnost' i ee prichiny v dorevolutsionnoi Rossii* [Crime and its causes in pre-revolutionary Russia]. Moscow: MGU, 1980. (In Russian)

Pavlushkov, A.R. *Karatel'no-ispravitel'naya sistema russkoi pravoslavnoi tserkvi v imperskii period* [Penitentiary system of the Russian Orthodox Church during the imperial period]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2014. (In Russian)

Pechnikov, A.P. *Tyuremnye uchrezhdeniya rossiiskogo gosudarstva (1649 – oktyabr' 1917 gg.): Istoricheskaya khronika* [Prison establishments of the Russian state (1649 – October 1917): historical chronicle]. Moscow: Shchit-M, 2004. (In Russian)

Petrenko, N.I. *Organizatsionno-pravovye osnovy rezhima ispolneniya nakazaniya za obshcheugolovnye prestupleniya v mestakh zaklyucheniya Rossii v poreformennyi period, 1864–1917 gg.* [Organizational and legal foundations of the execution of punishment for ordinary crimes in places of detention in Russia in the post-reform period, 1864–1917]. PhD diss. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997. (In Russian)

Pirogov, P.P. *Kadrovoe obespechenie tyuremnogo vedomstva Rossiiskoi imperii v XIX – nachale XX vv.* [Staffing the prison department of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries]. Murmansk: MGI, 2004. (In Russian)

Plekh O.A. “Razvitie sistemy penitentsiarnykh uchrezhdenii v provintsii v pervoi polovine XIX v. (na materialakh Vologodskoi gubernii)” [The development of penitentiary institutions in the Russian province in the early 19th century (based on materials of the Vologda province)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya*, no. 4 (2019): 26–40. (In Russian)

Tagantsev, N.S. *Russkoe ugovnoe pravo: Chast' obshchaya. Lektsii* [Russian criminal law: common part. Lectures]. 2 vols. Vol. 2. St Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1902. (In Russian)

Uporov, I.V. *Penitentsiarnaya politika Rossii v XVIII–XX vv. Istoriko-pravovoi analiz tendentsii razvitiya* [Penitentiary policy of Russia in the 18th–20th centuries. Historical and legal analysis of development trends]. St Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2004. (In Russian)

Wood, A. “Russian ‘Wild East’: exile, vagrancy, crime in Siberia, XIX century” In *The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*, edited by A. Wood, 117–37. London: Routledge, 1991.

Zakharov, M.V. *Rossiiskaya penitentsiarnaya sistema v gody “Velikikh reform” (1861–1881 gg.)* [Russian penitentiary system in the years of Great Reforms (1861–1881)]. PhD diss. Moscow State Pedagogical University, 2007. (In Russian)

Информация об авторах

Олеся Анатольевна Плекх – кандидат исторических наук, научный сотрудник, <http://orcid.org/0000-0002-3750-6270>, plekh@mail.ru, Институт российской истории РАН (117292 Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19)

Information about the authors

Olesya A. Plekh – Candidate of Historical Sciences, Researcher, <http://orcid.org/0000-0002-3750-6270>, plekh@mail.ru, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (d. 19, ul. Dm. Ul'yanova, Moscow, Russia, 117292)

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; одобрена после рецензирования 18.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 09.08.2021; approved after reviewing 18.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.